

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ



Фридрих Евсеевич Незнанский

Славянский кокаин

Серия «Агентство «Глория»»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171443
Славянский кокаин: ООО «Агентство „КРПА „Олимп“: ООО
«Издательство АСТ»; Москва; 2003
ISBN 5-17-000000-0, 5-7390-1204-X

Аннотация

В Нью-Йорке при загадочных обстоятельствах погиб скромный владелец ресторана Валентин Бакатин, в котором местные правоохранительные структуры давно подозревали главаря наркомафии, наладившего неслыханные по объему поставки кокаина из... Восточной Европы. Вслед за этим исчез его водитель, бывший тайным осведомителем Департамента полиции. Сотрудница американской полиции, русская по происхождению, получает задание отправиться в Россию, чтобы в частном порядке совместно с охранным агентством «Глория» выяснить, кто был заказчиком убийства Бакатина и кто теперь станет его преемником.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
1	9
2	22
3	42
4	54
5	60
6	69
7	72
8	78
9	88
10	97
11	100
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Фридрих Евсеевич Незнанский Славянский кокаин

КОКАИН – алкалоид, содержащийся в листьях кокаинового куста. Вызывает возбуждение, затем угнетение центральной нервной системы, подавляет чувствительность нервных окончаний. Применяется как местное обезболивающее средство. Частое употребление кокаина может привести к кокаинизму.

Большой энциклопедический словарь

О кокаине у меня было весьма смутное представление, мне почему-то казалось, что это что-то вроде алкоголя (по крайней мере по степени опасности воздействия на организм)...

От первой понюшки я не почувствовал в носу ничего, разве только, да и то лишь в мгновение, когда потянул носом, своеобразный, но не неприятный запах аптеки, тотчас же улетучившийся, лишь только я вдохнул его в себя. Снова почувствовав зубочистку у другой ноздри, я опять потянул в себя носом, на этот раз осмелев, много сильнее. Однако, видимо, перестарался, почувствовал, как втянутый порошок щекоцуще достиг носоглотки, и, невольно глотнув, я тут же почувствовал, как от гортани отвратительная и острая горечь разливается слюной у меня во рту.

– Я думаю, что кокаин-то на меня не подействует, – вдруг сказал я, совсем неожиданно для себя и испытывая при этом от очищенного звука своего голоса такое удовольствие и такой подъем, будто сказал что-то ужасно умное.
М. Агеев. «Роман с кокаином»

Пролог

Сотрудник частного охранного предприятия «Глория» Филипп Агеев, больше известный среди коллег-друзей-приятелей как частный сыщик Филя, после напряженной рабочей недели решил отдохнуть и развеселиться, желательно с помощью немудреной женской ласки. Он слышал, что это очень помогает. В поисках упомянутой ласки Филя отправился на дискотеку. Тут уместно заметить, что Филины старенькие «Жигули» были в ремонте, и директор «Глории» Денис Грязнов ради такого случая пожертвовал ему свой джип марки «Форд», случай уникальный, так что грех было не воспользоваться. Вообще-то работы в «Глории» последнее время было негусто, так что Денис зубами вгрызался в любую халтуру. На прошлой неделе они, в частности, искали угнанный «мерседес» 90-го года выпуска. Искал, точнее, один Филя. Было несколько наколок на подпольные конторы, специализировавшиеся на таком бизнесе и таких моделях. Искал, искал Филя – и нашел. Он ведь, в сущности, был весьма

неплохой сыскарь. Поэтому на просьбу дать машину на уикенд Денис ответить отказом просто не мог. Он только внимательно посмотрел в Филины честные глаза и сказал:

– Филипп, почему у меня такое ощущение, что единственное, чего твоя душенька сейчас желает, – это хорошенько потрахаться?

– Может быть, потому, что это правда? – ответил честный Филя.

На дискотеке после прихлебывания колы и символического приплясывания Филя заприметил в танцзале двух близняшек, очень и очень хорошеньких и совершенно неразличимых. Обе были маленькие, курносенькие, рыженькие, коротко стриженные. И ужасно сексуальные. Но их было две – вот проблема! А Филя был один. Оказалось, однако, что это не проблема. Близняшки, заметив недвусмысленный Филин интерес, сами к нему ненавязчиво подкатили. Присели за столик. Разговор был обо всем и ни о чем. В общем и целом, стандартно и без особой фантазии. Филя хорошо знал, что чрезмерные интеллектуальные потуги тут неуместны.

Слово за слово – и стало ясно, что девушки явно не против, более того – после пары бокалов пива они сами предложили Филе не тратить попусту время и деньги в дискотечном баре, а пойти в магазин и затариться хорошенько, после чего махнуть с ними отдыхать на дачу, поскольку родители уехали в Турцию, и там, то есть на даче, сейчас никого. Зато какой воздух! Какой бильярд! Какой камин! Какая постель!

Филе на некоторое мгновение показалось, что он бредит. Это было слишком похоже на кино. Причем не самого высокого пошиба – что-нибудь вроде а-ля скрытая камера «Плэйбоя».

Он, однако, встряхнул головой и повел барышень на улицу, благо приехал не на «жигулях», Денисову тачку не стыдно было продемонстрировать.

Заехали в «Рамстор». Филя затарился довольно прилично, хватило бы на всю «Глорию». Но – ни слова о работе, отдыхать так отдыхать. Девочки ходили рядом, показывали маленькими пальчиками («это хочу!»), и счастливый Филя тратил гонорар за найденный «мерседес». Наконец они забрались в джип и отправились в путь-дорогу, которая предстояла не так чтобы близкая, не так чтобы далекая – дача находилась в Глаголево.

Приехали за полночь.

– Хорошо, что родители уехали, и никто не рычит, что мы свет забыли выключить, – сказала одна близняшка. Глядя на светящийся изнутри двухэтажный каменный особняк, Филя подумал, что родители у девочек люди, как минимум, не бедные.

Выгружаясь из машины, девчонки почти хором пообещали Филе, что его ждет море удовольствия. Надо только совершить последнее усилие – затащить в дом все коробки из машины.

Пыхтя, но предвкушая обещанное, Филя сделал этот

марш-бросок. Когда он наконец выгрузил все, оказалось, что в доме его встречают пятеро крепко сбитых серьезных молодых (и не очень) людей.

– Водку и жратву затаскивай на кухню, – сказал самый объемный из них. – Потом топай в ванну.

– В ванну? – удивился Филя. Неужели помыться с дороги пацаны ему предлагают?

– Там – грязная посуда. Помоешь и можешь отчаливать.

Филя реально оценил превосходящие силы противника и спорить не стал. Посудой ванна была полна, горячая вода именно в эту ночь, конечно, отсутствовала, из моющих средств в наличии имелись хозяйственное мыло да песок в пожарной бочке возле дома.

В общем, как сказал на следующий день под общий хохот сотрудников «Глории» Грязнов-младший, хотел Филя потрахаться – потрахался. Кстати, дачку эту потом проверили. Оказалось, она принадлежит одному крупному врачу-онкологу, который со своей семьей последние два года жил в Америке. А дачка пока что пустовала, так что крепко сбитые молодые (и не очень) люди там тоже были в гостях.

Часть первая

Путешествие из Нью-Йорка в Москву

1

Нью-Йорк. 2002 год, осень.

Около пяти часов вечера Гриша Гринголец спустился в сабвей на станции Таймс-сквер. Он не любил американское метро всей своей неамериканской душой, и теперь, когда он работал личным водителем самого Бакатина, он мог бы в принципе преспокойно сидеть в машине и, слушая приятную музычку или попивая прохладную кока-колу, или и то и другое вместе, поджидать таким образом своего босса. Но судьбе было угодно иначе. И вот около пяти часов вечера Гриша спустился в нью-йоркский сабвей.

Ему в лицо сразу же ударил своеобразный запах подземки; хотя, возможно, никакого такого особенного запаха и не было, а Грише казалось, что веет чем-то затхлым, даже замогильным. Или просто нью-йоркский сабвей ассоциировался у Гриши с тем невеселым для него временем, когда он только вышел из тюрьмы.

Гриша прошел турникеты, перешагнул через валявшегося

поперек дороги пьяного, а может быть, мертвого (кому какое дело?) нищего и очутился на подземной станции Таймсквер.

Америка – страна абсолютно ничего не значащих улыбок. Только что приехавший сюда русский всегда клюет на эту удочку, ему кажется, что все здесь такие доброжелательные, все рады вас видеть и все рады вам помочь. Но на самом деле американцам плевать на вас, они не ждут никакого другого ответа на свой формальный вопрос «Как дела?» кроме как «Отлично! Все в порядке!». И очень сильно удивятся, если вы скажете совсем не то, что от вас ждут, короче, расскажете, как у вас дела на самом деле. Потому что, даже если вы лежите на смертном одре и уже чувствуете холодное дыхание загробного мира на своем лице, вы обязаны будете, как китайский болванчик, покачать головой какому-нибудь «американскому другу», пришедшему проводить вас в последний путь, и синеющими губами елееле прошептать: «Все о'кей!»

Улыбка сидит на лице американца как приклеенная. Но только не в сабвее. Там жизнь совсем иная. Там – царство бедности и нищеты. А значит, и радоваться особенно нечему.

Гриша, вглядываясь в лица пассажиров в нью-йоркском метро, уже давно пришел к выводу: бедность – безобразна, богатство – изящно, восхитительно.

В метро – сплошь некрасивые, даже уродливые физиономии, как на подбор. Низенькие, кривоногие пуэрти-

канки, раскрашенные, словно чучела; неуклюжие китайцы с плоскими лицами; дряхлые евреи со слезящимися глазами; неопрятно одетые негры со зверскими или же, наоборот, жалкими физиономиями. Даже молодые люди, едущие в нью-йоркском метро, некрасивы. Молодость, которая сама по себе прекрасна, здесь непостижимым образом обретает отвратительные черты. Здесь разгуливает пьяная, обкуренная и напичканная всякой гадостью агрессивная молодость.

Зато в центре, в Манхэттене, на Пятой авеню этих людей не встретишь. По Пятой авеню вдоль витрин шикарных магазинов толпами ходят только красивые люди. Они изысканны, грациозны, богато одеты, они улыбаются обворожительными улыбками, не стесняясь показывать ровные белоснежные зубы. Манекены в витринах кажутся их собственным отражением. Они блистательны! Это вам не нью-йоркский сабвей.

Гриша огляделся. Он искал глазами своего босса. Народу было не так уж много. Да и среди всего этого сброда легко было отыскать одетого в элегантный бежевый костюм Бакатина. Он стоял на платформе спиной к Грише и разговаривал с каким-то высоким, тоже очень прилично одетым моложавым мужчиной. Гриша посмотрел на него с неудовольствием, такие люди, по мнению Гриши, отлично подходили под характеристику «хлыщ и пижон».

«Да, все равно ничего не услышать», – Гриша махнул рукой и отвернулся.

Стоял какой-то непрекращающийся гул. Гриша еще раз с отвращением окинул взглядом подземную станцию. К слову говоря, у него слезы готовы были навернуться на глаза, когда он вспомнил московское метро. Да! Вот это метро так метро, наверняка лучшее во всем мире. Просто музей! Не станции, а сказочные дворцы. Стены из мрамора, люстры, как в театре. И даже люди поприятнее, чем здесь. Тут могут ограбить, зарезать, столкнуть под поезд. И никто не вступится, потому что каждому дорога своя собственная шкура. А на другого наплевать. Здесь волей-неволей с опаской вглядываешься в лица, напряженно вспоминая, не их ли ты видел вчера по телевизору в вечерних новостях, в рубрике «Их разыскивает полиция».

«О! Вот он, символ нью-йоркского сабвея», – подумал Гриша, глядя на опухшего от пьянства негра, одетого в какие-то лохмотья, из-под которых высывались его босые, в струпьях, ноги. Он храпел, пуская пузыри, на скамье, а вокруг валялись пустые банки из-под пива.

– Эй, ты! – услышал Гриша где-то рядом с собой.

Он повернулся. Рядом с ним стоял хлипкий пуэрто-риканский подросток с наглым выражением лица. В его руках была пустая жестяная банка. «Сейчас попрошайничать станет, – пронеслось у Гриши в голове. – Какого черта я здесь стою, надо уже идти обратно».

– Мужик, ты гомик? Хочешь клиента подыщу? – Глаза подростка горели озорством, а челюсть двигалась, гоняя во

рту жвачку.

– Ну-ка, свали отсюда, недоносок гребаный, – проговорил Гриша так зловеще, как умеют только отмотавшие на зоне не меньше десятка лет. Причем проговорил это на чисто русском языке.

Но по выражению лица пуэрто-риканского ребенка можно было подумать, что он понял все и каждое слово в отдельности. Незнакомый язык, тон, каким все было сказано, зверский вид и Гришина физиономия сделали свое дело. Подросток слегка попятился.

– Ша! – для пущего эффекта выкрикнул Гриша, делая пальцы козой.

Подросток припустился бежать. «Ну а теперь пора отсюда сваливать самому, пока это милое дитя не привело своих многочисленных старших братьев, их друзей и друзей их друзей», – подумал Гриша.

Милое дитя, убегая, кричало что-то угрожающее Грише, но что именно – он так и не смог разобрать из-за гула приближающегося поезда.

Зато Гриша увидел другое. Человек, разговаривающий с Бакатиным, приобнял его, будто для прощания, усмехнулся и... и...

Не может быть?!

...легонько толкнул его. Бакатин нелепо замахал руками, пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и упал... Прямо под наезжающий поезд.

Человек пять охнули одновременно. Какая-то негрityанка пронзительно закричала, закрывая лицо руками. Дико завизжали тормоза поезда.

Гриша не знал, что ему делать. В первое мгновение он ринулся к своему боссу, вернее, к тому месту, где Бакатин только что стоял, но на полпути остановился и в замешательстве застыл на какое-то время. Трудно было сказать, что именно остановило Гришу, то ли вид крови, которой он боялся, то ли сознание того, что он уже ничем не поможет, ничего не сможет предпринять...

Мимо него пробежала негрityанка с воплем:

– Полиция! Кто-нибудь, вызовите полицию!

Только тогда Гриша более или менее пришел в себя. Он стал искать глазами того «хлыща», но его и след простыл. В голове Гриши вихрем проносились мысли: «Кто это был? Что мне говорить в полиции? Убийство?! Описать им этого подонка? Черт! Я не хочу закончить свои дни вот так же, под колесами поезда, или с простреленной башкой. Или рассказать? Кто меня видел? Ни Бакатин, ни этот пижон понятия не имели, что я за ними наблюдаю. А вдруг это просто несчастный случай? Вдруг тот, второй, просто по-дружески, по-приятельски хлопнул Бакатина по спине, и все. И не думал, что Бакатин не удержится и упадет, а потом испугался и убежал. Может такое быть? Вполне, – уговаривал себя Гриша, – вполне такое может быть... Да что я мелю?! Черта с два он по-дружески его похлопал. Друзья не хлопают так,

чтобы человек свалился под поезд! Да и рожа у него такая была, что, видно, все подстроил, гад! Только вот с полицией встречаться в очередной раз не хочется. Стоп! Гришаня, друг, возьми себя в руки! Народу-то много! Кто-то ведь обязательно увидел, что его толкнули. Ладно, останусь на некоторое время, прошупаю почву. Только спокойно, главное – спокойствие».

Он подошел к толстой пуэрториканке с бигудями на голове («Боже мой! У нее на голове бигуди! В Москве бы ее, наверно, милиция из метро вывела!»), вытирающей слезы несвежим носовым платком и спросил:

– Что случилось?

Женщина посмотрела на него такими глазами, будто Гриша был тем единственным американцем, который еще не знал, что на Соединенные Штаты сбросили ядерную бомбу, и из ее рта полился нескончаемый поток слов. Она говорила с такой скоростью, что Гриша смог только в общих понятиях чертах то, что она говорила.

– Я стояла совсем рядом, – захлебывалась она. – И вдруг он покачулся! Он, наверно, был пьян! Он замахал руками, широко открыл глаза! Если бы он был трезв, он бы удержался, но его подвела его правая нога! Она подвернулась, и он рухнул прямо под поезд! Господи! Какой ужас! Кровища так и брызнула! Я не могу об этом вспоминать!

– А вы случайно не обратили внимание, с ним рядом кто-нибудь стоял? – осторожно поинтересовался Гриша.

– Что? С ним рядом? Не знаю... Я, я была совсем рядом. О, это просто ужас! Он так взглянул на меня! Будто ждал от меня какой-то помощи! Я никогда не забуду этот взгляд!

«Н-да, очень наблюдательная женщина, – подумал Гриша. – То, что у него подвернулась нога, и то, как он взглянул на нее, она заметила, а вот что его толкнули под поезд, на это она внимания не обратила».

– Значит, вы уверены, что это несчастный случай?

– А что же еще? Стойте, вы думаете?... Да как вы можете! Я стояла в трех метрах от него! Да как у вас совести хватило! – И она вновь залилась слезами.

Гриша быстренько ретировался от нее подальше.

Из кабинки водителя вывалился молодой человек. Он сел прямо на пол и, обхватив голову руками, стал раскачиваться из стороны в сторону. Вероятно, в его практике это был первый подобный случай.

Буквально за одну минуту на станции собралось столько народу, сколько не бывает, наверно, даже в час пик.

– Почему не убирают поезд?

– Почему не достают тело?

– Может быть, он еще жив?

– Сколько человек упало? – раздавалось со всех сторон.

И Гриша тоже задавался одним из этих вопросов.

– Почему не достают тело? – спросил он у огромного, объясняющего что-то всем одновременно негра.

– Вот приедет полиция и достанет, – уверенно произнес

тот.

– А если он еще жив?

Негр только критически оглядел Гришу с ног до головы, словно какого-нибудь неандертальца.

Не прошло и пяти минут, как появилась полиция. Всех отогнали от поезда не меньше чем на пять метров, свидетелей происшествия просили остаться для дачи показаний. Правда, остались не только свидетели, но и просто любопытные, так что Гриша мог безнаказанно ошиваться среди множества людей и слушать, что очевидцы рассказывают полиции.

Первой, захлебываясь слезами, говорила пуэрториканка в бигуди. Ее версию Гриша уже слышал. Потом рассказывала негритянка, та, что побежала искать полицейских:

– Я поняла, что произошло, только тогда, когда поезд с диким свистом затормозил. Я ничего не видела... Только падающего мужчину и затормозивший поезд. И сразу же побежала звонить вам...

– Вы не видели, может быть, его кто-то толкнул? – прозвучал резонный вопрос полицейского.

Гриша удвоил внимание.

– Я не знаю... Я не видела... Я увидела только тогда, когда он стал падать... И сразу же побежала звонить вам...

– Да мы поняли, поняли уже. Но, может быть, вы обратили внимание на что-нибудь подозрительное? С ним рядом, совсем рядом никого не было? Или, может быть, вы замети-

ли, как кто-то убегает?

– Нет, ничего я не видела... Пробежал мальчишкапопрошайка, но далеко от этого мужчины.

При словах о мальчишке-попрошайке Гриша втянул голову в плечи и спрятался за широким плечом стоящего впереди негра.

– Да он сам прыгнул, – влез в разговор какой-то молодой человек с пакетом в руках.

– Вы видели? – оживились копы.

– А чего там видеть? Стоит себе человек, все нормально. Но тут идет поезд, и человек падает. Почему бы этому придурку не упасть раньше или позже?! Но нет, он падает именно тогда, когда приближается поезд. Случайность? Ничего подобного! Не бывает таких случайностей! Ясно же, самоубийца, мать его.

– Спасибо, ваши показания очень ценны. Но, может быть, это не несчастный случай и не самоубийство?

– А что же?

«Вот дебил!» – пронеслось у Гриши в голове.

– Ну, быть может, его кто-то толкнул?

– Кто же?

– Как раз наша задача это выяснить. Людей много. Вы не заметили ничего подозрительного?

– Да перестаньте! Шутите? Что, правда убийство?

– Возможно.

– Круто!

– Дегенерат! – тихо ругнулся Грингольц.

Все остальные «свидетели» говорили примерно одно и то же: видели, как падал под поезд; ужас; наверно, был пьян или самоубийца; нет, кажется, никого рядом не было, а может быть, и был кто-то, не запомнили, но, скорее всего, никто его не толкал, просто так получилось, несчастный случай.

«Что же это такое?! – психовал Гриша. – Никто ничего не видел! Я один?.. Ну нет. Никто – ничего, а я что, самый умный? Мне лишние разговоры с полицией не нужны. Да и с другими персонажами тоже. Я где должен был ждать этого чертова Бакатина? Наверху, в машине! А что, спрашивается, я здесь делал? Кому теперь объяснишь? Ну нет, мне моя шкура дорога! Я, как положено, ждал его в машине и ничего не видел, ничего не знаю. Все, я – обычный шофер!»

Уже почти равнодушно Гриша следил за тем, как вытаскивают из-под поезда тело, все обернутое в белую материю, с красным разводом на боку. Как белая, словно чистый лист бумаги, рука вываливается из-под этой простыни. Как ее убирают обратно. Как потом тело засовывают в черный непроницаемый мешок и глухо застегивают на этом мешке молнию. Как беззвучно раскачивается из стороны в сторону машинист. И как его отпаивают какими-то таблетками. Все.

Находиться здесь больше не имело никакого смысла. Тем более что Гриша заметил несколько злобно смотрящих на него молодых пуэрториканцев и вспомнил про «милую малютку», предлагающую ему клиентов нетрадиционной ори-

ентации.

Он быстро поднялся на улицу, сел в свой «крайслер» и рванул с места.

Был уже поздний вечер. Дождь косыми струями хлестал по лобовому стеклу, прохожие под зонтами разбегались по домам. Гриша Гринголец тоже мчался в свою скромную, предоставленную ему службой по надзору за бывшими заключенными, квартиру.

Дома он, не раздеваясь, ничком бросился на кровать. Его немного мутило. Мысленно он все возвращался туда, в нью-йоркский сабвей. Заново прокручивал в голове случившееся. Перед глазами стояло завернутое в белую простыню с красным пятном на боку тело и... и... зловещая усмешка убийцы Бакатина.

«А может быть, все-таки не было никакого убийцы? Может, и вправду несчастный случай? Да и вообще, может быть, всего этого не было? Приснилось, померещилось, показалось?»

Он усмехнулся. Нет. Уж слишком все реально для видения... да и для несчастного случая тоже.

Гриша поднялся с кровати, откашлялся (при тошноте это всегда ему помогало) и прошел на кухню. Там извлек из холодильника початую бутылку «Столичной», налил две трети стакана и залпом маханул до дна. Потом с силой выдохнул воздух, и содержимое стакана теплом разлилось по всей груди.

Гриша вернулся в комнату, сел около телефона и тупо на него уставился. Потом, видимо до чего-то додумавшись, встал, нашел в коридоре свою барсетку, достал из нее бумажку с московским телефоном, зачем-то пару раз прочел его вслух и набрал номер.

Через несколько минут его соединили.

– Да, я слушаю, – раздался в трубке приятный женский голос.

– Мм, – замешкался Гриша и даже хотел положить трубку, но передумал. – Здравствуйте, будьте добры Бакатину.

– Бакатину? – с некоторым удивлением переспросил женский голос.

– Ну да, с Майей Бакатиной я могу поговорить?

– А... Ну тогда это я. Слушаю вас...

Москва. 2002 год, осень.

Директор частного сысканого агентства «Глория» Денис Грязнов, по пояс обнаженный и завернутый в простыню, уже полчаса рассеянно бродил по высшему мужскому разряду Сандуновских бань. Несмотря на то что офис «Глории» находился на той же, что и Сандуны, Неглинной улице (недалеко от здания знаменитого «Лукойла»), Денис в Сандунах был впервые после их генеральной реконструкции. И, надо сказать, поначалу он испытал некоторый шок от немыслимой роскоши этого «дворца отдыха и здоровья». Правда, довольно быстро он привык к ослепительному великолепию интерьеров и уже не задира́л голову, чтобы рассмотреть искусно восстановленные резные потолки из красного дерева в общем «готическом зале» и не застывал перед отреставрированными витражами на окнах, сохранившимися еще с дореволюционных времен.

Стоя перед зеркалами в удивляющем своими узорами «турецком зале», Денис упер кулаки в бока, напряг отдельно бицепсы, отдельно трицепсы, поиграл мышцами на груди и остался вполне удовлетворен своей физической формой. В огромном, от пола до потолка зеркале в резной старинной раме он увидел высокого мужчину двадцати семи лет, выглядевшего весьма представительно даже в таком виде. Ши-

рокие плечи, рельефная грудь, мускулистый подтянутый живот и дельтовидные мышцы выдавали в нем равнодушного к спорту человека; взгляд темно-синих выразительных глаз был волевым, широкие скулы покрыты пятнами румянца. Правда, Денису всегда не нравился его продолговатый подбородок, но вроде бы есть такая точка зрения, что подбородок свидетельствует о целеустремленности, незаурядных волевых качествах, и эта мысль несколько утешала. Зато он с гордостью носил на голове отливающий темной медью ежик, и у него никогда даже мысли не возникало стесняться того, что он рыжий.

Денис нахлобучил на голову фирменную «сандуновскую» войлочную шляпу и отправился погреться в русскую парилку, повдыхать терпкие ароматы пихты и эвкалипта. Выйдя из парной, он с воплем пару раз окунулся в ледяной купели, а после проплыл из конца в конец большой, двенадцать на шесть метров, бассейн.

Несмотря на воскресный день, посетителей в общем зале высшего разряда было немного, почти вся публика этого банного дворца разместилась в 13 отдельных кабинетах, впрочем, как и сам Денис, которого пригласил в Сандуны его родной дядька, начальник Московского уголовного розыска, генерал-майор Вячеслав Иванович Грязнов. Племянник-то пригласить пригласил, а сам запаздывал. Впрочем, чему удивляться, у больших людей – большие дела (скажем потрепаться с дядей Саней, в миру – старшим следователем

Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры А. Б. Турецким и к тому же – государственным советником юстиции 3-го класса, то бишь тоже генералом).

Обмахиваясь шляпой, Денис вернулся в роскошный трехместный кабинет, прилег на белый кожаный диван и протянул руку к телефонной трубке:

– Банщика и официанта в шестой кабинет, – сказал он и, сам слегка изумившись своему невесть откуда взявшемуся барскому тону, на всякий случай добавил: – Пожалуйста.

Хотя последнее он вполне мог и не добавлять, так как за «пожалуйста» банщики-мойщики, профессиональные парильщики, массажисты, маникюрши и прочие специалисты, здесь, естественно, не работают. Любые услуги придется оплачивать: по таксе или весомыми чаевыми; хотя бы за те же выданные Денису две простыни, шляпу, два огромных полотенца и шлепанцы. Хотел было Денис попросить у банщика еще и махровый банный халат, в каких здесь многие ходят, но решил, что в халате он будет смахивать на буржуйского жлоба, и отказался от этой затеи, удовольствовавшись тонкой широкой простыней.

Денис на несколько секунд закрыл глаза и расслабился. Интересно, что дядька собирается рассказать, зачем пригласил его сюда? Может, хочет работенку подкинуть, что было бы весьма кстати.

Десяток лет назад врио начальника МУРа Вячеслав Ива-

нович Грязнов, серьезно поссорившись с высокопоставленными чинами МВД, намеревался было уйти из МУРа и в качестве одного из путей к отступлению открыл свое маленькое частное сыскное агентство, назвав его собственным именем «Слава», что по-латыни – «Глория». Но профессиональные недопонимания (правда, не без помощи высших правительственных инстанций) через какое-то время все же удалось преодолеть, и Грязнов-старший продолжил руководить МУРом. «Глорию» же он передал любимому племяннику, сделав его директором агентства и, стало быть, ответственным за всё и за вся. И под чутким руководством Дениса данное агентство сыщиков уже не первый год кое-как сводило концы с концами. Бывали, впрочем, времена, что в «Глории» на работу неделями никто из сыщиков не выходил, потому что просто не было ее, работы.

Денис открыл глаза и, к своему удивлению, увидел бесшумно, словно по волшебству, возникших перед ним крутобедрую в супер-пупер-мини-юбке официантку Свету – ее имя было обозначено вышивкой на кружевном белоснежном передничке, – и крупногабаритного, почти двухметрового молодого парня в ослепительно-белой униформе и такой же круглой белой тубетейке на голове; вышивка на его нагрудном кармане гласила: «Тимур».

Света сладко улыбнулась, протянула Денису толстое меню и открыла блокнотик:

– Чего желаете?

Денис быстро полистал несколько страниц и с силой захлопнул сей талмуд:

– Светик, это не меню, а какая-то кулинарная энциклопедия, я не могу все это читать. Лучше на словах, что у вас выпить и закусить?

– У нас все! – радушно объяснила Светик. – Любые горячие и холодные закуски, алкогольные напитки – двести десять видов, от тридцати марок пива до коктейлей, текилы и сакэ; безалкогольные напитки – около семидесяти наименований...

– Ого! Ну хорошо, пусть будет какое-нибудь пиво, «Очаковское» например, две кружки... Рыбка красная какая-нибудь, вобла... – наугад начал перечислять Денис.

– Вобла, – быстро записывая, повторила Света.

– Что, и вобла есть? – удивился Денис.

– Конечно.

– Ну вы, блин, даете! Ну, раз и правда все есть, пусть тогда душа развернется: значит, мой приятель, который запаздывает, он любит коньяк КВВК и маслины, мне водку «Финляндия», но непременно со слезой. Она, конечно, безвкусная, но не хочу пьяным париться, грибочки маринованные...

– Опята, маслята, белые, шампиньоны... – затараторила было Света, но Денис ее прервал:

– Да любые! Ну хорошо, пусть будут опята. Чегонибудь из салатов и горячее – какой-нибудь нежный шашлык, на твое усмотрение. Еще «боржоми» обязательно и клюквен-

ный сок.

Света захлопнула блокнотик и, размашисто виляя бедрами, по-хозяйски принялась пододвигать к белому дивану длинный низкий стол на колесиках, инкрустированный перламутровыми цветами. Справившись со столом, она, усиленно раскидывая свои роскошные бедра по сторонам, удалилась.

– Если понадобится парильщик, то я свободен, – сказал ожидавшийся, когда Денис обратит на него внимание, Тимур.

– Ладно-ладно, это потом, а пока принеси, Тимур, для моего друга все, что нужно: халат, полотенца там всякие, надеюсь, он скоро подъедет.

– Сей момент. – Тимур исчез так же бесшумно, как появился.

Денис поднялся с дивана и стукнул костяшками пальцев по инкрустированным красным деревом панелям – дуб или бук, определил он; затем дернул за старинную медную ручку. Как он и предполагал, под инкрустированной деревянной панелью оказался маленький холодильник, в котором лежали упаковка немецкого аспирина и пачка презервативов.

Кроме закамуфлированного холодильника в просторном кабинете находились два резных шкафа для одежды, два белых кожаных дивана – мягкий и твердый, – три таких же белых кресла; телевизор с видео, телефонный аппарат, два изящных торшера, два огромных зеркала. Висели картины –

пейзаж на закате и обнаженные купальщицы на озере.

– А этот артист, кстати, сегодня у нас будет, – раздался за спиной Дениса, засмотревшегося на картину с купальщицами, голос Тимура, который принес шлепанцы, шляпу, халат, ворох простыней и полотенец.

– Какой артист?

– Который «ну вы, блин, даете», и еще этот хохмач, Ширвиндт, но тот, который отец, а не который сын, тот, что про собак по телевизору. А отец у нас завсегдатай, он тоже на сегодня кабинет заказал.

– Ну, поздравляю, – пожал плечами Денис, – автографы я брать не собираюсь, знакомиться – тоже. Надеюсь, ваши артисты отдохнуть не помешают?

– Нет-нет, они всегда тихие, если, конечно, не переберут.

– Прямо как простые смертные, – съязвил Денис. – У меня пока все, Тимур... О, да как вас много, – улыбнулся Денис вошедшей с подносом на руке Свете и второй официантке, что катила раздаточный столик с яствами, и попал впросак. Вторая официантка была откровенно страшненькая и плоская как доска.

Инкрустированный стол начал быстро заполняться бутылками, рюмками и тарелками с салатами. Чтобы не мешать, Денис вновь прилег на диван и прикрыл глаза, притворившись расслабленным после парной. Сделал он это по двум причинам: во-вторых, чтобы не видеть страшненькую, а во-первых, принялся представлять, как смахнул бы су-

пер-пупер-мини-юбку со Светы и... что бы он увидел? Ничего нового и необычного, конечно, но нарисованной воображением картиной Денис остался вполне доволен.

– Не спи, племяш, замерзнешь! – раздался над самым ухом голос Вячеслава Ивановича – крепкого пятидесятилетнего мужчины с коротким, как у Дениса, ежиком пегих волос на голове. – А в бане это не годится.

Приподнявшись с дивана, Денис крепко пожал протянутую руку:

– Ну, какие люди и без охраны!

– Зачем мне охрана, ты же сам охрана.

– Да-а, Вячеслав Иванович, давненько мы не виделись, видно, ты подзабыл, что я не охрана, а детектив.

Несмотря на родственные отношения, а может, и благодаря им, Денис искренне уважал дядю, но не за генеральский чин, а за высочайший профессионализм и изрядный опыт. Возможно, благодаря этому отношения у них были скорее дружески-коллегиальными, чем родственными.

– Ты – детектив? Во-он оно как!.. Это круто, как выражается нынешняя молодежь, – язвительно протянул дядя, скидывая рубаху и аккуратно вешая ее в резной шкаф для одежды. В его ироничной интонации Денис учуял скрытый подвох. – Замечательный стол, спасибо, барышни. – Грязнов-старший проводил взглядом официанток. – Эта твоя Света меня чуть бедром не опрокинула.

– Она не моя, – сморщил нос Денис.

– Понял, еще не твоя, – снимая брюки и облачаясь в халат, пошутил Вячеслав Иванович. – Извини за задержку, как воскресенье – так сразу неотложные дела. Вездесущий следователь Турецкий из Генпрокуратуры сумел-таки отловить меня по мобильному, на твоё счастье. Дайка пива глотнуть...

Денис не понял, что значит «на твоё счастье», но решил не задавать лишних вопросов. Он поднял свой бокал с огромной шапкой пены и легонько стукнул его о бокал дяди:

– За встречу?

– Ага, – Грязнов-старший с шумом сдул пену и сделал два крупных глотка. – Лепота-а!.. Дорогой Денис, я пригласил тебя в сей храм, чтобы устроить тебе помывку... – без перехода вкрадчиво начал дядя.

– Ну, я вроде понял, – улыбнулся Денис.

– ...мозгов.

– Как чувствовал!

– Не хвались, боярин. Интуиции тут никакой не надо, чтоб чують головомойку.

– Дядя Слава, так я ж исправлюсь. Или нет?

– Причем прощальную головомойку, – строго добавил Грязнов-старший.

– Как это? Это почему прощальную?!

– Я решил закрыть «Глорию».

– Ты, дядя Слава, шутник, конечно, – не удивился Денис, отставив бокал, пиво сразу показалось ему пресным и кислым. Однако дядя, кажется, совсем не шутил.

– Нет, я, конечно, не против, чтобы ты тусовался в «Глории» хоть до пенсии. Но мне жаль твой талант юриста и губить его я не позволю! – сурово отчеканил Вячеслав Иванович. – Каким, например, последним делом занималась «Глория»?

– Розыскными мероприятиями, – словно школьник, не выучивший урок, едва слышно ответил Денис.

– Какими?

– Угнанный «мерседес» искали, – еще более помрачнел Денис. – Вячеслав Иванович, могу представить письменный отчет о работе, проделанной за полугодие.

– Еще не хватало. И нашли?

– Нашли.

– Поздравляю. И сколько?

– Что «сколько»?

– Сколько заработали?

– Три тысячи баксов, – вздохнул Денис.

– На всю компанию? Всего-то?

– Но я же не могу обдирать клиента как липку! Искали старенький «мерседес», девяностого года выпуска, ну, что я могу поделать? Если б еще «мерседес-брабус» или джип какой-нибудь навороченный...

– Позор моим сединам на груди, – заметил Грязнов-старший. – Стыдно мне за тебя, Денис.

– Хоть ты, Вячеслав Иванович, и начальник всех начальников... – решил вдруг пойти в наступление Денис.

– И мочалок командир, – добавил Грязнов-старший, сделав очередной крупный глоток.

– Но я ведь могу и не подчиниться. Я не хочу закрывать «Глорию»! По всем документам, а значит, и по закону, я являюсь директором и владельцем агентства. А перед законом у нас, кажется, все равны...

– Вот тебе анекдотец про закон. Вернее, не анекдот, а быль, – ухмыляясь, перебил племянника Вячеслав Иванович. – Лет двадцать пять назад один сотрудник ГАИ работал на посту на площади Дзержинского – это мой давний знакомый, сегодня он высокий чин в московском ГИБДД. А тогда он только-только закончил учебу и был полон энтузиазма поддерживать идеальный порядок на вверенном ему участке. И вот раз едет черная «Волга», номера обычные, не номенклатурные, и водитель нарушает правила, пересекает не там, где положено, сплошную осевую линию. Наш инспектор тут же останавливает машину. Выходит пассажир, высокий солидный мужчина с депутатским значком на лацкане пиджака. «Я – Конотоп», – говорит он. А Конотоп в то время был Первым секретарем Московского обкома партии. Но наш гаишник ничуть не смутился: «А у нас, товарищ Конотоп, перед законом все равны», – уверенный в своей правоте, отвечает инспектор. Конотоп тут заулыбался и, похлопывая инспектора по плечу, говорит: «Сынок, у нас все равны только в бане...» И после паузы добавляет: «И то – я в одной, а ты – в другой...»

Денис коротко хохотнул:

– Согласен, насчет равенства всех перед законом – это я загнул, в полемическом, так сказать, задоре. Но мы-то с тобой в одной бане!

– Во, наконец-то дошло. Дошло?

– Не знаю, – неуверенно протянул Денис.

– Ну соображай. Мы с тобой в одной, причем лучшей бане Москвы, ты – племянник начальника МУРа, а занимаешься всякой ху...лиганской деятельностью! – вдруг рявкнул Грязнов-старший, сменив милость на гнев. – Короче, директор – ты, а закрываю «Глорию» – я. Вот так-то. Я уже неделю назад так решил.

– Но это же превышение властных родственных полномочий! – простонал Денис.

– Хм, может быть, очень даже может быть.

– Дядя Слава, ну дай еще шанс, как родственника прошу, – Денис почувствовал, как его уши стали гореть огнем.

– Кстати, какой у тебя там штат на сегодня – три калекки? – не слыша мольбы племянника, язвительно спросил Грязнов-старший.

– Почему, все здоровы: Филя Агеев, Демидыч, Кротов, Макс – он по-прежнему не вылезает из Интернета и отращивает бороду в собственный рост...

– А зарплата у них бывает?

– Конечно.

– Раз в три месяца?

– По-разному, – разглядывая свои босые ноги, буркнул Денис. – Ты, может, и прав, я никудышный директор. А что поделывать, если почти все деньги сжирают телефонные счета, свет, аренда офиса, бензин... А толстые клиенты не так уж часто случаются.

– Хитрый ты, племянничек, знаешь, что чистосердечное признание смягчает приговор, – заулыбался Вячеслав Иванович. – Постой, а Крот – кто это такой? – притворно запамятовал дядя.

– Ты же сам пригласил его когда-то в агентство. Алексей Петрович Кротов, суперсыщик!

– А-а, припоминаю. И он у тебя занимается старыми угнанными стиральными машинами?! – снова рывкнул дядя Слава.

– А что мне делать?

– В глаза смотреть!

– Не могу, мне уже действительно стыдно.

– Разжалобить хочешь, не выйдет! Если бы «Глория» занималась чистой охраной, одной «личкой», я бы еще согласился. Опытные телохранители со стажем и хорошими характеристиками всегда нарасхват. Набрал бы отставников-спецназовцев, подучил бы, сам сидел бы в кабинете, бумажки перебирал, не жизнь – красота! Тебе самому я, конечно, не позволил бы заниматься охраной, потому что не хочу увидеть тебя в гробу. Но у вас ведь не тот профиль и не тот уровень. Вы талантливые мужики-сыскари, зубры, мож-

но сказать, и не имеете работы по своим зубам! А я, в отличие от некоторых, чувствую моральную ответственность за то, чтоб были востребованы классные специалисты-следователи. Кротова пристрою в РУБОП, о чем я с начальством предварительно договорился, там собраны очень опытные сыщики, его место там. Думаю, что он не откажется. Демидыча – в СОБР, Филиппа Агеева возьму в МУР, к себе.

– А меня? – криво усмехнулся Денис.

– Тебя оставлю здесь, в бане, швейцаром при дверях.

– Не поймешь тебя, Вячеслав Иванович, то говоришь, что жаль мой талант следователя, то в баню отсылаешь, – буркнул Денис.

– Ладно, не вешай носа, для тебя мы тоже что-нибудь придумаем.

В этот момент за стеной кабинета слышались возбужденные голоса и истошный крик: «Не брал я, хоть зарежь!» – это кричал банщик Тимур.

– Ну вот! – заулыбался Вячеслав Иванович. – Я же говорил, что придумаем. Там у кого-то трусы пропали, детектив требуется. А что ты ухмыляешься? В пятизвездочных московских отелях уже давно есть собственные детективы, так почему в лучшей московской бане не может быть сыщик, для престижу, так сказать? Случайно не хочешь раскрыть преступление века?

За стеной кабинета возбужденные голоса начали затихать, правда, Тимур все еще не унимался, повторяя: «не знаю»,

«не видел», «не может быть!»

– «Глухаря» вешаешь, начальник? – мрачно протянул Денис.

– Смотрю я, и жалко мне тебя стало, Дениска, совсем ты какой-то убитый. А давай так: если раскроешь сейчас преступление века, тогда я не буду закрывать «Глорию».

– Серьезно? – брови Дениса взлетели вверх.

– Абсолютно. Как шведская водка.

– А то, что раньше говорил, это просто головомойка?

– Допустим. Но последняя. Договорились? Не находишь пропавшие трусы – мы агентство закрываем, найдешь – в последний раз помилую, что делать, я же добрый.

– Да ты не дядя, а золото брильянтовое! Там наверняка какая-нибудь бытовуха, а это мне как два пальца об асфальт. Договорились?

– Конечечно, что-то большее ты уже и не потянешь, квалификацию потерял, – ехидно протянул Грязнов-старший.

Но Денис уже его не слушал, схватив телефонную трубку, он почти прокричал:

– Пожалуйста, Тимура в шестой кабинет, срочно!

– Если повезет тебе, тогда надо будет «Глории» работенку какую подкинуть.

– Только международного масштаба! – весело добавил Денис.

– Ладно, придумаем и международного, – многозначительно пообещал Вячеслав Иванович.

Тут быстро вошел банщик Тимур, белая тюбетейка на его голове сдвинута набок, а угольно-черные глаза были круглыми и злыми.

– Тимур, ты что там стащил, признавайся, – с ходу начал допрос Денис.

– Стащил, как бы не так! У одного часы какие-то кремлевские пропали, он говорит, что часы были в бумажнике, который он мне отдал в сейф положить. Я и положил бумажник в сейф, а часы-то он не давал! Я ему бумажник сейчас принес: деньги, естественно, все на месте, но часов-то он не клал в бумажник, иначе где же они?! А он уверяет, часы были в бумажнике!

– Выходит, кто-то другой часы прихватил? – спросил Денис.

– Исключено! – вдруг сразу разволновавшись, с легким татарским акцентом громко зашептал Тимур. – У нас ведь только солидные клиенты! Конечно, публика бывает всякая, но исключено...

– Па-адажди, родной, – прервал Денис, – я что-то не понял: у вас публика только солидная или у вас публика всякая, должно быть что-то одно.

– Я и говорю, что у нас только всякая... солидная публика! – быстро нашелся Тимур. – Конечно, у нас и криминал отдыхает, но какой! Клиент из криминала высшей пробы – самые крупные и известные воры в законе и прочие уважаемые люди. Ну не может у нас быть, чтобы здесь работали

карманники какие-нибудь с Черкизовского рынка – потому что такого у нас не бывает!

– Говоришь, только солидный криминал? – строго переспросил Денис.

– Однако, – пробормотал Грязнов-старший.

– Конечно, только высшие криминальные авторитеты, – подтвердил Тимур. – А еще всякие там дирижеры, академики. Архимандрит ходит два раза в месяц со своим референтом, а он, между прочим, член Священного сената...

– Синода, – поправил Грязнов-старший.

– Я и говорю! У нас пропажи исключены! И где могут быть эти часы – просто не знаю. Был, правда, однажды случай, что клиент сам дома водительские права забыл вместе с бумажником и поднял шум, будто в Сандунах украли. А потом позвонил жене и выяснил, что бумажник и права жена вытащила из кармана, ну, не дура ли? Извинялся потом, что на банщиков попер. Такое было. Но этот подмосковный купец все твердит: часы он снял, положил в бумажник и мне отдал, чтоб в сейф. Ну подумайте, зачем мне нужны его часы, пусть даже кремлевские? Да я самому Жан-Клоду Ван Дамму бутылку минеральной открывал, когда он в Сандунах был...

– Да, ты птица большого полета, – заметил Денис преувеличенно серьезно.

– Само собой, – не понял иронии Тимур. – Я своим местом дорожу, на чаевые не жалуюсь, и на меня тоже еще никто не жаловался. А Ван Дамму у нас очень понравилось, он почти

четыре часа парился, даже опоздал на спектакль в Большой театр. Да если бы я хотел, я бы лучше у Ван Дамма часы стащил, на память. Я Ван Дамму и халат приносил, правда, парить его мне не доверили, его сам начальник смены парил...

– Хорошо, про Ван Дамма мы послушаем в следующий раз, – не выдержал Денис, который терпеть не мог Жан-Клода и все его фильмы.

– И Семен Фарада, это который «уно, уно момэнто», он свой день рождения тридцать первого декабря который год у нас в Сандунах справляет, – не унимался Тимур.

– А еще у вас и криминальные авторитеты отдыхают, – напомнил Грязнов-старший.

– Но у нас же только легальный криминал, это ж понимать надо!

– А-а, я действительно не понял. Раз легальный, это все меняет, веление времени, так сказать, – ухмыльнулся Вячеслав Иванович, обдумывая какие-то свои комбинации. – Легальный криминал, ну надо же!..

– Вот именно, – радостно закивал Тимур, – веление времени. И еще, как назло, наш начальник смены на вокзал уехал, родственника встречать. А он ведь знает, что сегодня начальник Московского уголовного розыска кабинет заказал. Вдруг прямо сейчас приедет? Что будет – не знаю! – развел руками Тимур.

– Да, за такую халатность на работе начальник МУРа тебя запросто и посадить может, – посочувствовал Денис.

– Не может, – успокоил Вячеслав Иванович, – гарантирую.

– Почему гарантируешь? Если ему пожалуются, он наверняка не станет разбираться, кто тут виноват, – горестно протянул Тимур.

– Я – начальник МУРа.

Челюсть Тимура беззвучно упала вниз, пару секунд он молчал, наконец кое-как собрался:

– А я думал, сначала подъедет охрана, сопровождение, референт...

– Увы, я не член Священного синода, – усмехнулся Вячеслав Иванович.

– Я, наверное, не то говорил, товарищ начальник. У нас никакого, даже легального криминала не бывает! У нас все тихо...

– Поздно, брат, отказываться от показаний, раз уже проболтался, – ехидно заметил Денис.

– Не волнуйся, Тимур, я и без тебя знаю, кто здесь бывает, – успокоил банщика Вячеслав Иванович. – А ты про часы вроде не врешь, что не брал, а? – Тимур отрицательно замотал головой. – Но если ты не брал и никто из посетителей не брал, так где они могут быть? – глядя на Дениса, спросил Грязнов-старший.

– Чего гадать, надо опросить потерпевшего и свидетелей, – поднимаясь, поправил на поясе простыню Денис, затем наклонился и негромко добавил дяде: – А ты мне – трусы, трусы... Тут часы, блин, кремлевские! Практически ку-

ранты.

– Я же говорил – преступление века, – не без сарказма парировал Вячеслав Иванович.

Нью-Йорк. 2000 год.

Дождь, мерзкий дождь шел весь день. Стучал по крыше, заливал лобовое стекло. Вода бежала по асфальту, пенясь и пузырясь, образуя стремительные ручейки, которые объединялись в один широкий ревущий поток, несущийся по дороге. Гринголец дрожал от холода, хотя печка была включена на всю мощь. Он барабанил пальцами по рулю, озирался, непрестанно бормотал что-то себе под нос. Его безмерно раздражал непрекращающийся стук капель по жести и мутные водяные разводы на стеклах. На Гришу была возложена важная миссия, и он нервничал. Гринголец с детства не любил ждать. Только две вещи на свете могли довести его до исступления: ожидание и выбор. Гриша совершенно не умел этого делать. Проблема выбора, например между тапочками синего и зеленого цвета или заказа какого-либо блюда из меню в ресторане, вводила Грингольца в состояние глубочайшего ступора и оцепенения. Поэтому, отправляясь за покупками, он всегда предпочитал брать с собой кого-нибудь из знакомых, а в ресторанах всегда полагался на вкус официантов. Если же вдруг случалось такое, что помочь было некому, Гриша, напрягаясь изо всех сил, делал выбор наугад, а потом еще длительное время переживал и нервничал, что все сделал неправильно.

Ждать же Грингольц не любил потому, что ему все время казалось, что ждет он напрасно. Про него давно забыли, или нашли дела поважнее, или просто вовсе решили не приходить. Почему-то Гриша привык считать, что его скромная персона вовсе не заслуживает того, чтобы кто-то спешил к нему на встречу. Поэтому договариваясь с кем-нибудь, Грингольц всегда был в положении просящего, даже если встреча выгодна вовсе не ему.

А люди, которых ждал Гриша, все не появлялись, ручка кейса с деньгами, с большими деньгами, между прочим, жгла ладонь. Грингольц боялся даже на мгновение выпустить его из своих рук. Столько денег в одном банальном чемодане! Раньше Гриша видел такое только в американских боевиках. Он никогда не понимал, как эти остолопы – национальные герои и крепкие парни – все время умудряются где-нибудь да потерять эти деньги. Перепутать кейсы, забыть в такси, позволить какому-нибудь мелкому воришке украсть их. «Уж я бы никогда такие деньжищи не упустил, – думал всегда Грингольц. – Я бы сумел их уберечь от всяких там покушающихся».

Гриша приспустил боковое стекло, огляделся: вокруг никого не было.

«Черт, куда все делись? Слишком сильно опаздывают. Когда едешь за такими деньгами, так не задерживаешься. Вот если бы я не появился, это еще было бы объяснимо, но тех господ я не понимаю. И почему отправили меня одного? Раз-

ве так положено? Что я смогу сделать один, если, не дай бог, непредвиденная ситуация? Буду кричать: „Спасите! Милиция!“? Или в лучших традициях американских боевиков один раскидаю по сторонам штук пятнадцать ублюдков, а затем, поставив ногу на голову одного из них, картинно произнесу: „Asta la vista, baby“?

Гриша хмыкнул. Картинка, нарисованная воображением, ему понравилась. Гринголец редко бывал героем. Говоря откровенно, никогда. И, если не считать его отважного поступка в детском саду, когда он храбро спас девочку от омерзительного рогатого жука, больше ситуаций, возводящих в ранг супермена, в Гришиной жизни не случилось.

Как-то внезапно Грингольцу вспомнилась эта девочка. Она всегда почему-то всплывала в памяти в очень важные моменты Гришиной жизни, хотя они не виделись уже лет пятнадцать. Но это была первая любовь Грингольца, а она, как известно, не забывается. Девочка носила нежное имя Алина, обладала огромными карими глазами и длинными каштановыми волосами.

Родители Грингольца всегда приводили Гришу в сад первым, и он, не двигаясь, стоял у дверей, дожидаясь свою подругу. Когда Алина приходила, дети не расставались до самого вечера и закатывали истерики с плачем и рыданиями, если жестокие мамы пытались разбить счастье влюбленных и развести по домам.

Потом они разошлись по разным школам, иногда созва-

нивались и даже встречались по выходным под бдительным присмотром родителей. Потом мамы что-то не поделили между собой, и свидания закончились.

«Надо бы позвонить ей как-нибудь, – думал Гринголец. – Удивится, наверное. А может, и не узнает вовсе. Или замужем уже. А ведь клятвенно обещали друг другу, что поженимся, когда вырастем. Хотя чем черт не шутит! Приеду весь такой красивый из Америки и женюсь. Ну, например, сейчас скрываюсь с этими деньгами, мчу в аэропорт, беру билет на первый же рейс до Москвы и лечу. В России за пару сотен баксов делаю себе новые документы, можно даже решиться на пластическую операцию. Нет, операция потом, сначала иду к Алинке, трясу толстыми пачками долларов перед ее носом, всячески намекаю на свою состоятельность и обеспеченность. А когда она уже готова рыдать и рвать на себе волосы из-за того, что упустила такого гарного хлопца и вышла замуж за полное ничтожество, не способное обеспечить свою молодую жену, падаю на одно колено, протягиваю кольцо с бриллиантом каратов на пять и прошу ее руки. Затем непременно последуют сопли, слезы, объяснения в любви и клятвы в вечной верности. Закатим свадьбу человек на триста, но сами сразу же из ЗАГСа уедем в путешествие. А гости пускай едят и пьют за здоровье молодых без нас. Я же всегда говорил, что молодожены – самые несчастные люди в день свадьбы. Выдерживать скопище пьяных идиотов, бесчисленных родственников, каждый из которых норовит дать

бесценный совет и отпустить тупую шуточку, улыбаться бесконечным гостям и малознакомым людям – это испытание тяжелое. И все в самый счастливый для пары день. Кошмар! Поэтому мы поцелуем мамочек и тетусшек на пороге Дворца бракосочетания, смахнем слезы счастья с глаз и рванем в аэропорт».

Тут размечтавшегося Гришу передернуло, как от удара током: из бара, располагавшегося в доме, перед которым Грингольц припарковал машину, громко разговаривая, вышли трое. Гриша немедленно поднял густо затонированное стекло, но было поздно. Один из людей схватил двух других за рукава черных куртокбомберов, мотнул головой в сторону Гришиного автомобиля и начал что-то быстро говорить, размахивая руками.

«Чертовы латиносы, – Грингольц заерзал в водительском кресле. – Сейчас начнется».

Он не ошибся: в окно машины уже стучали.

– Чего надо? – глухо спросил Гриша через небольшую щель.

– Здорово, приятель. Что потерял в наших краях? Мы думали, что давно обо всем договорились и ты понял, что здесь тебе делать нечего. Или соскучился? Заехал навестить?

– Слушайте, я здесь по личным делам. Я больше не торгую дерьмом. – Грингольц еще сильнее вцепился в кейс.

– Ага, а здесь ты поджидаешь любимую мамочку, которая гостит у тетуски Пэм и пьет чай с черничным пирогом, –

веселились давние недруги Грингольца – наркодилеры, принадлежащие к пуэрто-риканской мафии.

Когда-то давно, еще до тюрьмы, у Гриши действительно был неприятный разговор с этими ребятами. Гринголец забрел в их район, плохо зная строго регламентированные законы улиц. Просто какие-то сумасшедшие студенты выступали в защиту чего-то и организовали митинг на его улице. Везде кишели полицейские, как будто их согнали со всего штата, и торговля не шла. Пришлось перебираться к соседям. Тогда-то Гриша и встретил этих в первый раз. Возможно, Грингольца спасла все та же демонстрация. Нападать на человека в непосредственной близости от полиции этим ребятам не хотелось. Тогда договорились полюбовно: Гринголец работает в своем Бруклине и не кажет носа в Южный Бронкс. Гриша всегда добросовестно выполнял все условия этого договора, и больше столкновений не происходило. Хотя Гринголец был уверен, что его новые знакомые ждут не дождутся повода, чтобы исполнить то, что хотели сделать в их первую встречу. Но теперь, в новой жизни, Гринголец был совсем в другом амплуа и абсолютно забыл и о том давнишнем разговоре, и о возможных последствиях неожиданной встречи. Сейчас же, при появлении этих парней, все бывшее красной лампочкой сигнала тревоги зажглось в Гришиной голове, но он еще не потерял надежды объясниться.

– Ребята, я же говорю, что давно завязал с наркотиками. Я больше этим не занимаюсь. Просто жду приятеля, у меня

здесь встреча.

– Послушай, Грин, нам абсолютно безразлично, что именно ты здесь делаешь. Ты нарушил условия, и это нам не нравится. Придется заплатить.

– За что? За то, что оказался в том же районе, что и вы? Таможней работаете? Я ведь вашему бизнесу не мешаю. Ничего не покупаю, ничего не продаю. Жду человека. Понимаете вы или нет?

– Понимаем, понимаем. Только разницы никакой. Как договаривались? Ты сюда ни ногой. Было дело? – латинос, глумливо улыбаясь, склонился над окном и дышал тяжелым смрадным дыханием прямо в лицо Грингольца.

– Было, – поморщился Гриша.

– А теперь ты здесь на двух ногах и даже четырех колесах. Нехорошо. Нужно как-то решать эту проблему.

– Сейчас уеду, – пробормотал Гринголец, но чувствовал, что так просто не отделается.

– Куда это? – поинтересовался один из латиносов. – Далеко ли? А мы думали, погостишь еще, пообщаемся. Давай-ка вылезай из машины.

– Еще чего, – огрызнулся Гриша и начал заводить автомобиль.

Парни окружили машину и не давали тронуться с места. Гринголец уже приготовился направить автомобиль прямо на них, как в боковое стекло автомобиля с огромной силой влетел булыжник, полетели осколки, стекло осыпалось на

приборную доску. Чьи-то цепкие руки обхватили Грингольца и вместе с кейсом вытащили из-за руля на улицу. Все произошедшее дальше Гриша осознавал смутно. Он лежал лицом на асфальте, елозил щекой по холодной, мокрой, шершавой поверхности, машинально продолжая крепко прижимать кейс к животу. Ноги в тяжелых ботинках ожесточенно пинали его по почкам, голове, плечам, Гринголец захлебывался собственной кровью, надсадно хрипел, но почему-то наблюдал всю картину откуда-то сверху. Он видел свою маленькую скорченную фигурку на асфальте. Видел, как из-под головы разливается лужа крови, трое в черных куртках и широких джинсах топчут его тело ногами. Устав, один из них присаживается на бордюр тротуара и с интересом наблюдает за своими приятелями, затем поднимается и снова принимается за дело. Потом Гриша услышал голос:

- Все, хорош. Остановитесь. Помереть может.
- Так и пусть!
- Хватит, говорю!
- Ну ладно...

Последний голос прозвучал с явной неохотой. Грингольца перестали бить, перевернули на спину, выдернули дипломат из рук. Гриша уловил металлический звук открывающегося замка, кто-то удивленно присвистнул. Затем раздалась длинная тирада на непонятном Грингольцу испанском. И еще короткая фраза по-английски прозвучала над разбитой Гришиной головой:

– Вот теперь уходим и быстро.

А еще он увидел приближающийся к своему лицу ботинок с кованым мысом и отключился.

Через какое-то время Гриша пришел в себя. Над ним склонились какие-то люди. Толстая негритянка протяжно кричала тоненьким голосом.

– Перестань орать, дура, – зло прошипел Грингольц по-русски.

– Он пришел в себя, – сказал какой-то человек в очках, – кто-нибудь вызвал полицию?

– Не надо, не надо полиции, – Гриша пытался подняться с асфальта.

– Не двигайтесь, дождитесь врача, – приставала прыщавая назойливая девица.

– Помогите подняться, – бормотал Грингольц. – Мне нужно идти. Остановите такси.

Толпа окружила Гришу и напряженно молчала.

– Черт возьми! – рассвирепел Грингольц. – Неужели так сложно найти машину? Я же не денег у вас прошу!

Гриша был в отчаянии. Он не сомневался, что кто-нибудь из этих тупоголовых янки непременно сейчас вызовет полицию и тогда неприятностей не оберешься.

Наконец один из сердобольных сочувствующих внял Гришиным просьбам, с трудом оторвал того от асфальта и поставил на ноги. Все закружилось у Грингольца перед глазами, и он бы упал снова, если бы Гришу не подхватили силь-

ные руки и не повели к дороге. Затем его осторожно усадили в такси. Шофер все суетился и просил постелить газету на сиденье, чтобы Гринголец не испачкал чехлы своей кровью. Наконец машина тронулась, Гриша с трудом назвал адрес и снова потерял сознание. Таксист растолкал Грингольца уже на месте, тот достал из кармана несколько смятых купюр, бросил их на переднее сиденье, открыл дверь и вывалился на асфальт. Тут же из дверей магазина вышли двое безмолвных крепких парней, ни слова не говоря подняли Гришу на руки и внесли в здание. Там, в подсобке, его усадили в кресло, принесли мокрое полотенце, дали выпить стакан виски. У него перед глазами все поплыло, но почему-то полегчало. Все вокруг молчали. Гринголец, морщась, протер разбитое, искалеченное лицо, отбросил полотенце в сторону и произнес первые слова:

– Дайте зеркало.

– Не советую, Гришаня, испугаешься, – ответил один из парней.

– Я бы на твоём месте месяца два в зеркало точно не заглядывал, – добавил второй.

– Неужели все так плохо?

– Наверное, даже хуже, чем ты думаешь.

– Чудно. Давай тащи зеркало.

– Как хочешь, – первый направился к двери.

– Где Барс? – прохрипел Гринголец вдогонку.

– Здесь. Сейчас подойдёт. Что случилось, расскажешь на-

конец? Или ты считаешь, что главный вопрос на повестке дня – твоя восхитительная морда лица? – ответили ему.

– Проклятые пуэрториканцы... – Грингольцу все еще было трудно говорить, и он махнул рукой.

Жест означал, что Гриша сейчас все расскажет в присутствии Барса, чтобы не повторяться.

В помещение вошел черноволосый плотный человек с орлиным носом, он чему-то улыбался и напевал под нос.

– Привет, Гринголец. Ты откуда такой красивый? – протянул он на мотив одной известной песни с легким кавказским акцентом.

– Из Бронкса.

– Чудесно. Ну, рассказывай, да? – продолжал петь человек.

– Я был там, должен был передать деньги Максу, заплатить за работу. Потом появились эти. Я знаю их. Им нужен был повод, видите ли, не понравилось, что я на их территории, – Гриша широко открыл рот и вдохнул воздуха, затем продолжил: – Избили, сволочи, думал копыта отбросил, забрали деньги...

Барс молчал, внимательно рассматривая Гришу.

– Теперь будут проблемы с Максом, – неуверенно добавил Гринголец.

– Пра-аблем нэ будет, – Барс глубоко затянулся сигаретой. – Все нам на руку. Расслабься, Григорий, да-арогой. Езжай домой, да? Ребята тебя отвезут, поправляя здоровье, да?

Затем бросил одному из охранников:

– Собирай народ. Чтоб к восьми все были. Поедем в гости без предупреждения, да?

– А мне что делать? – вяло поинтересовался Грингольц.

– Ты уже все сделал, брат. Я же сказал, езжай домой и успокойся. Все под контролем. Макс получит свои деньги, да?

Гришу подхватили под руки и вывели из комнаты.

В Южном Бронксе все затихло подозрительно рано. Перестали ездить машины, гулять люди и петь птицы. Мамашки с едва уловимой и необъяснимой тревогой в глазах вылавливали своих чумазных детей и тащили домой. К половине восьмого район вымер. Даже вечные уличные бродяги затаились в своих берлогах и не показывались на глаза.

Ровно в девять тридцать, тихо шурша колесами по асфальту, по главной улице вереницей проехали шесть черных машин. Одна за другой они остановились возле того самого бара, перед которым всего несколько часов назад жестоко избили Гришу Грингольца. Из головного автомобиля вышли четверо. Чеканными шагами они подошли к светящимся окнам и синхронно, как по команде, прикладами ружей ударили каждый свое стекло. Раздался звон, послышались крики и ругань. На улицу выбежали какие-то люди и тут же рухнули на асфальт от залпа оружейных выстрелов. Двери машин открылись, из них нескончаемым потоком выбегали люди и устремлялись в оконные проемы. Звучали непрерывающиеся выстрелы, пронзительные крики, в баре пытались отстреливаться. Но буквально в считанные секунды все было закончено. Установилась тишина. Люди Барса с брезгливостью на лицах перешагивали через мертвые тела, двое пытались вскрыть сейф.

– Эй, вы там, – раздалось снаружи, – тревога! Быстро все сюда. Тут толпа этих тварей, и они все прибывают. Лезут из всех щелей, как тараканы...

Голос прервался выстрелом. Отовсюду неслась испанская брань. Прогредел взрыв, разноцветным пламенем запылял огромный черный «лендкрузер», из него выпрыгивали горящие фигуры и со звериным воем катались по земле.

– Граната? Что происходит? – кричал Толстый – поверенный Барса.

– Нет. Попали в бензобак, – отвечали ему сквозь невыносимый шум чьи-то голоса.

– Мочи всех, ребята! – Толстый метался, прячась за джипом, терзая мобильный телефон.

– Барс, братан, нужны еще люди! – орал он срывающимся голосом в трубку. – Только скорее, кореш, скорее! А то перемочат как каштанок!

– Ждите, да? – ответили в трубке.

Это было последнее, что услышал Толстый в своей жизни.

– Толстого задели, оттащите его куда-нибудь, – крикнул Вадик – высокий парень с разноцветными глазами.

– Уже незначет. У него дыра в голове размером с блюдце. Вадим, сними вон ту обезьяну за контейнером. Это он Толстого...

Железо прошила автоматная очередь, из-за контейнера вывалился кучерявый парень, почти мальчик, с пушкой над верхней губой и мутными зелеными глазами. Его рука про-

должала сжимать тяжелый черный пистолет.

Латиносы отступали. Появлялись свежие силы, люди Барса все прибывали и прибывали. Валил густой черный воюющий дым – горела резина. Выстрелы уже не смолкали, отовсюду неслись стоны и крики, лилась отборная брань на разных языках, кто-то просил о пощаде, кто-то испускал последний вздох. Асфальт был усеян стреляными гильзами и залит кровью. Пуэрториканцы сбивались в небольшие группки и, отстреливаясь, пытались бежать. Это удавалось очень немногим. Один за другим они падали на землю и корчились в судорогах. Все было закончено. С начала разборки до ее финала прошло пять с половиной минут.

На место развернувшейся бойни бесшумно подъехал черный «ауди», из него вышел Барс, окинул окрестности удовлетворенным взглядом, подошел к одному завывающему от боли латиносу с простреленной ногой и, склонившись над ним, произнес:

– Если выживешь, передашь шефу: даю ему сутки на сборы, да? Через двадцать четыре часа здесь не должно остаться ни одного из ваших. Отныне Южный Бронкс – наша территория, да?

Барс брезгливо вытер белоснежным носовым платком ботинки, испачканные кровью, и сел в машину. Издалека слышалось завывание полицейских сирен.

– Валим, да? – хладнокровно произнес он.

Машины мгновенно рванули с места и тут же скрылись

в темноте. И вовремя – через несколько минут уже близко раздавался вой полицейских сирен.

А Гриша Гринголец плохо спал в эту ночь. Ему снились какие-то мерзкие, липкие, вязкие сны. Ему казалось, будто что-то тяжелое и темное наваливается на него, становится трудно дышать, непонятное существо душит его и громко хрипит в ухо. Потом бесформенная черная масса превратилась в одного из латиносов. Он противно скалился и шептал что-то Грингольцу. Гриша мог разобрать только отдельные слова, и они ему не нравились. Потом он вдруг оказался на какой-то поляне среди леса. Там были необыкновенной красоты цветы и травы. Гриша лежал на животе лицом вниз и чувствовал их запах. Ему было хорошо, только земля вдруг начала проваливаться, Гринголец летел куда-то вниз, пытаясь схватиться за что-нибудь, но все было бесполезно. Гриша понял, что умер, и тут же оказался на собственных похоронах. Было полно людей, но Гринголец не узнавал никого из них. Они стояли возле ямы, в которую должны будут опустить гроб с гришиным телом, лузгали семечки и плевались шелухой в могилу. Они смеялись и о чем-то оживленно болтали, и до Грингольца дошло, что все забыли, что хоронят его, Гришу. Он хотел напомнить им, крикнул, но не услышал собственного голоса и вспомнил, что мертв.

В испуге, покрытый испариной, Гринголец вскочил на кровати и тут же застонал от боли: ужасно болели ребра и ныла сломанная рука. Гриша пытался прийти в себя от ночных

кошмаров, поднялся и поплелся на кухню ставить чайник. Через секунду зазвонил телефон. Гринголец поднял трубку и жалобно простонал:

– Але...

– Гришка, ты как? – отозвался собеседник на другом конце провода.

– Так себе. Это ты, Вадим?

– Я.

– Чего среди ночи-то? – недовольно поинтересовался Гринголец.

– Хотел рассказать новости. Думал, будет интересно, – слегка обиженно ответил Вадим.

– А... Ну валяй.

– Короче, мы сегодня наведались к твоим обидчикам и очень мило с ними побеседовали. За чашкой чая, блин. Не обижайся, но то, что они тебя избили, было выгодно Барсу. Он давно точил на них зуб. Теперь нашелся повод. Мы выбрали их из Южного Бронкса. Так что правда восторжествовала.

– Правда... – усмехнулся Гриша. – Ну ладно, спасибо за вести. Подробности письмом. Не могу долго разговаривать. Чего-то совсем хреново.

– Ну давай, поправляйся. Заползай, когда встанешь на ноги.

– Договорились. Бывай.

Гринголец повесил трубку, с трудом доковылял до кровати, рухнул на нее как подкошенный и через десять секунд

уже находился в забытьи...

Москва. 2002 год, осень.

Едва Денис Грязнов и Вячеслав Иванович вошли в роскошный сандуновский четырехместный кабинет, как сразу оба почувствовали буквально висящее в воздухе напряжение.

В белом кожаном кресле, стоящем под живой пальмой в кадке, сидел розовый пятидесятилетний толстячок с идеально круглым животиком и не менее круглой, наголо бритой лысиной, покрытой крупными каплями пота. Его голубые навывкате глаза блуждали по сторонам. Денис безошибочно определил, что «колобок», как он мысленно окрестил толстячка, и есть потерпевший, который находился в легком подпитии и имел крайне растерянный и оскорбленный вид.

Дениса заинтересовало, что вокруг животика «колобка» была намотана белая простыня (что в бане само собой), да вот за край простыни был засунут пучок зеленых листьев петрушки. Это еще зачем? Почему петрушку не оставить на столе?

В кабинете находились еще трое, и все такие же круглые, холеные и розовощекие. И все одинаково мрачные, несмотря на то что два столика просто ломились от закусок и напитков. А в центре главного стола, окруженный бутылками с водкой и пивом, красовался неразрезанный ананас с воткну-

тым в него столовым ножом.

«Врубайся скорее, пинкертон, включай свою интуицию на все сто», – мысленно подбодрил себя Денис, шаря взглядом по кабинету и краем уха слушая, как за его спиной негромко сопит Вячеслав Иванович, почесывая грудь, поросшую седыми волосами.

Так... Резной дубовый шкаф открыт, одежда – рубашка, майка, брюки – валяется на полу, он искал свои часы. Значит, «колобок» совсем не уверен, что отдавал их Тимуру. Это плюс.

– Мужики, что за шум, а драка где? – вместо приветствия как можно добродушнее спросил Денис. – Мы тут по соседству отдыхаем и вот подумали, может, помочь чем надо?

– Не надо, – буркнул «колобок».

– Я директор частного сыскного агентства Грязнов.

– А я директор подмосковного свинокомплекса, и что дальше? – еще более набычился «колобок», выкатив на Дениса свои и без того круглые глаза.

– Очень приятно. Мне Тимур сказал, у вас недостача какая-то, а я, можно сказать, почти сыщик...

– Тебе-то что? – заладил «колобок», явно не понимая слова «сыщик». – Заодно с ним, что ли? Детектива не заказывали.

– А это мой дядя, он в Московском уголовном розыске числится, – будто не и слыша «колобка», продолжил Денис и кивнул на безучастно стоящего Вячеслава Ивановича.

– Вот с ним я буду разговаривать, – вдруг оживился «колобок». – Пришел в баню, понимаешь, в часах, а уходить что, без часов придется? Или как?

– Странное дело, – кивнул Грязнов-старший, явно не желая ввязываться ни в какие разговоры.

– Часы же наверняка дома остались! Может, память того?.. – радостно предположил Денис. На это толстячок ничего не ответил, лишь отрицательно помотал головой. – Жена, небось, говорила, чтоб в баню не ходил в дорогих часах...

– Да что вы глупости городите, молодой человек! – взорвался «колобок». – Какая еще жена? У меня нет жены!

Но Денис ничуть не смутился:

– Как нет? А летом была.

– Ну была, а сейчас мы разошлись... Ты что, действительно сыщик? – уже заинтересовался «колобок», поднимаясь из кресла.

– Причем натуральный. А насчет жены, так это ж просто. На пальце полоска белая, не загорела под кольцом.

– А-а, – посмотрел потерпевший на безымянный палец. – Точно, заметно. Это она, стерва, на Кипре заставила меня кольцо носить, чтобы другие бабы не совались. Ну давайте, может, действительно найдете вора-то. – «Колобок» стрельнул глазами по своим друзьям, которые по-прежнему сидели в неловком молчании.

– У парня глаз – ватерпас, – похвалил Дениса Вячеслав Иванович, похлопав его по голому плечу, словно мальчиш-

ку-малолетку.

– Может, выпить хотите? Мы тут отмечаем получение премии купца Солодовникова...

– Поздравляю вас.

– Да не меня, это ему дали, – кивнул «колобок» на сидящего в халате толстомордого и круглопузого «колобка номер два» и еще добавил: – Тоже мне глаз-ватерпас.

– С этим ошибочка вышла, ну бывает, – пытаюсь не подать виду, что слегка задет ошибкой, ответил Денис. – Поздравляю с премией. А неужели в наши дни уже натуральные купцы появились?

– Нет, это премия имени купца Гавриила Солодовникова, в номинации «За высокий профессионализм и эффективное управление предприятием в кризисных условиях», – не без скрытой гордости ответил «колобок второй».

– Федор Викентьевич – гендиректор Тушинского рынка, – пояснил для Вячеслава Ивановича «колобокпотерпевший». – Ему и «Золотого журавля» присудили, за развитие ресторанного бизнеса и предприятий общественного питания. Так он не дурак, не таскает своего журавля повсюду, как я свои часы.

– А что, дорогие?

– Да во всех смыслах! На аукционе «Сотбис» за них стартовую цену пятьдесят тысяч долларов предлагают. А у меня часы за шестьдесят восьмым номером... были... Так что сам понимаешь...

– Да-а, это вещь, – протянул Денис. – А за поясом петрушка зачем?

– Заначка, я ей водку закусываю.

Слово «заначка» резануло Дениса по ушам. Мужик-крохобор занывает петрушку от друзей, чтоб, значит, всю не съели, и носит часы за пятьдесят тысяч баксов.

– А он у нас хозяйственник прижимистый, – усмехнулся «колобок второй». – Все же странно получается. Пока мужики в парную ходили, я здесь огурчики-помидорчики резал и отсюда никуда не отлучался. Выходит, что, пока Василий Николаевич парился, я его часы?.. Или действительно они у банщика? Не знаю даже, что и думать. Я ведь не брал! Или, может, обыск устроим?

– А от жены вы заначку куда прятали? – спросил Денис потерпевшего, и от этого вопроса розовое лицо «колобка» мгновенно стало малиновым.

– Какую еще заначку! У нее своя кредитная карточка!

– Значит, от бывшей супруги никаких заначек раньше не делали? И ничего от нее не прятали?

– Прямо допрос какой-то, – смутился «колобок».

– Никаких допросов, я же вам помочь хочу.

– Так найди часы!

– А я что делаю? Еще раз: от бывшей жены что-нибудь когда-нибудь прятали?

– Вообще-то она мне курить не разрешала, мне врачи запретили, так я сигареты заначивал...

– А куда прятали?

– Куда-куда, в носок, куда же еще. Эта стерва мне дома курить не позволяла и обыскивала даже, когда приходил домой, чтоб я с работы сигареты не принес.

Трое друзей «колобка» разом рассмеялись, а Денис, точно зверь, почуявший добычу, ринулся к открытому шкафу, где стояли туфли, из которых торчали носки.

– Туфли ваши?

– Мои.

Денис вытащил один носок – пусто, другой – и, к счастью, интуиция не подвела! Второй носок оказался очень тяжелым, Денис сунул в него руку и вытянул из носка золотые часы.

Что тут началось: трое друзей «колобка» разом вскочили, наперебой посыпались вопли радости и крики осуждения.

– Они!

– Ну ты мудака, Василий Николаевич!

– И как я мог забыть?!

– Ты ж, признайся, на меня думал!

– Да ни на кого я не думал!

– Ну, праздник продолжается!

– Это мы сейчас обмоем!

– Дай поближе посмотреть!

Все находящиеся в кабинете, включая Вячеслава Ивановича и Дениса, собрались в кружок, рассматривая находку и осторожно передавая ее из рук в руки.

– Кремлевские...

– Видите, подпись президента, – провел ногтем по циферблату «колобок».

Действительно, когда тяжелые золотые часы дошли до Дениса, он смог различить маленькую черную подпись из пяти букв. Часы были увесистыми, с золотым гербом, поблескивавшим крупными и совсем крошечными бриллиантиками, а золотая головка для завода один в один походила на купол храма Христа Спасителя.

– Подарок президента, – не хухры-мухры, золотые часы с автографом, – быстро пояснял чуть подпрыгивающий от радости «колобок», – или, как было написано на футляре, «Наградной хронограф Президента России». А в благодарственном письме за собственноручной подписью написано: «За большой вклад в становление российской экономики, самоотдачу при исполнении заданий правительства, за успехи на благо Отечества».

– Ну ты, Василий Николаевич, странный, если не сказать точнее, подарок президента в носки прячешь!

– Чуть настроение всем не испортил!

– Это, видать, по привычке. А у вас и правда глаз это, ну как там?.. Натуральный сыщик, короче! Огромное вам... Конечно, потом сами бы нашлись, но чем раньше, тем лучше... Сколько я должен?

– Да не надо мне ничего, – засмеялся Денис, – вы, главное, отдыхайте хорошо, а мы пойдем. И я ничего не возьму! –

Денис почти выбежал из кабинета.

– Нет-нет, вот вы передайте ему, – и «колобок» быстро сунул стодолларовую бумажку в руку Вячеслава Ивановича.

Вернувшийся в свой кабинет победителем, Денис разлил водку по рюмкам и, не дожидаясь, пока вернется дядя, вынужденный слушать слова благодарности, опрокинул рюмку, потом снова ее наполнил.

– Держи, раз заработал, – сказал Вячеслав Иванович, когда вернулся и протянул зеленую бумажку, – за телефон в офисе заплатишь.

Денис нехотя взял купюру:

– Ну что я за человек, я и правда от денег часто отказываюсь. Ну да, будем исправляться. Выпьем за победу?!

– За «Глорию». Пусть живет и процветает, – Вячеслав Иванович взял протянутую ему рюмку и чокнулся с племянником. Оба выпили. – Пора, кажется, начать закусывать.

– Ага, я только сейчас разок окунусь в бассейне, а то мозги так напрягал, что весь вспотел. Секунд за тридцать вроде нашел, неплохо?

– Терпимо. Ну, раз нашел, то, как и договаривались, с меня причитается... Одно международное дельце хочу тебе подкинуть. Заказчик уже едет.

– Прямо сюда? – засмеялся Денис.

– А чем здесь плохо? По-моему, роскошный банный дворец для переговоров.

– Подожди, не рассказывай. Я охладжусь, не то вообще сго-

рю от радости, – и Денис выбежал из кабинета.

Он быстро забрался по ступенькам и прыгнул в ледяную купель, уйдя под воду с головой. Потом рыбкой прыгнул в теплый бассейн и скоро почувствовал себя бодрым, спокойным, уверенным, готовым к новым подвигам.

Возвратившись в кабинет, Денис застал в нем Тимура.

– И я могу пропустить? – как-то неуверенно спрашивал Тимур Вячеслава Ивановича.

– Конечно.

– Но как?..

– Молча. Кабинет трехместный, одного как раз и не хватает, – ответил Грязнов-старший. – Пусть переоденется. Дай человеку халат, шляпу...

– Все понял, – улыбнулся Тимур и исчез.

– Заказчик?

– Он самый.

– А что было бы, если б я не нашел часы?

– Тогда бы кранты. Я ведь серьезно уже хотел прекратить твою малополезную деятельность, да Турецкий меня отловил, когда я в Сандуны собирался, и уговорил дать тебе и ребятам одно хитрое дельце. Так что его благодари.

Соединенные Штаты. Тюрьма Южный Централ. 1999 год.

Гриша Гринголец с остервенением кидал грязные голубые рубашки в ящик с бельем.

«Полтора года в этой чертовой тюрьме и полтора года копаюсь в грязных шмотках. Хорошенькое воплощение американской мечты».

Гринголец с ненавистью швырнул последнюю робу, погрузил ящик на тележку и покатил ее в подвал. Там располагалась прачечная, в которой нелегким трудом искупали свою вину товарищи по несчастью. Ровно сто пятьдесят восемь ступенек вниз по железной лестнице, толкая перед собой эту дурацкую бандуру, груженную тюремной одеждой, которая впитала в себя пот, кровь, сперму, грязь и запах сотен и сотен заключенных. Довольно мерзкая работенка, но не самая плохая, некоторые вообще сортиры драют.

Впрочем, американская тюрьма временами напоминала Грише пионерский лагерь (это при условии, что ведешь себя хорошо и не споришь с угрюмыми и безмолвными лежавыми, в противном случае зверства тюремных охранников, показанные в американских боевиках, могли показаться невинными играми мальчиков-подростков). А так и еда вполне сносная, выпускают гулять и даже кино иногда показывают. Спортом, опять же, заниматься можно. Правда, эти

бестолковые янки играли здесь только в баскетбол. Гриша пытался сколотить футбольную команду, но желающих было маловато, да и те все время путались в правилах. Так что благое начинание загнулось на корню, и спортивная жизнь Гриши закончилась: в баскетбол Грингольд не играл, его ста шестидесяти сантиметров было явно недостаточно, тем более если учесть, что самый низкорослый из команды был негр Билл, которому до двух метров не хватало каких-то трех дюймов.

Обстановочка, конечно, мрачноватая. Больше всего Гришу поначалу раздражали бесконечные решетки, даже между камерами вместо положенных стен были они. Грингольд ощущал себя аквариумной рыбой, за которой день и ночь наблюдает толпа любопытных юнатов. Потом привык потихоньку, научился спать, не обращая внимания на надсадный храп соседа и бесконечную брань полоумного латиноса из соседней камеры.

А в общем, компания была неплохая. С некоторыми Гриша успел даже подружиться. Например, итальянец со звучной фамилией Тавиани неоднократно выручал Грингольца из сложных ситуаций, в которые тот попадал поначалу из-за плохой осведомленности о тюремных правилах совместного проживания. Гриша даже не подозревал, что этот смешливый толстяк – средний брат в семействе одной известной итальянской фамилии. Его младший брат, Антонио, был крупнейший нейрохирург, работавший в нью-йоркской

окружной больнице, а старший – один из самых крупных и уважаемых главарей итальянской мафии. А когда узнал, сильно удивился и даже немного возгордился приятельскими отношениями с такой значительной фигурой.

США. 2000 год.

Когда же пришел долгожданный час освобождения, Грингольц получил на руки сто пятьдесят долларов новенькими, хрустящими бумажками, темно-серый костюм плохого качества, омерзительно пахнувший красителем, и билет на поезд до Нью-Йорка.

Охранник открыл перед Гришей тяжелую железную дверь, выпустил узника на свободу, лукаво подмигнул правым глазом и произнес многозначительное:

– До встречи.

– Да нет уж, лучше вы к нам, – ответил по-русски Грингольц и двинулся к автобусной остановке.

В поезде Гриша устроился поближе к окну, подложил рюкзак под вечно больную спину, сорванную в тюрьме бесконечным тасканием тележки, и огляделся. Рядом ехала девушка. Соседка не сказать чтобы была очень хороша собой – типичная американская студенточка – в очечках, потрепанных джинсах, растянутом свитере, с собранными в жиденький хвостик светлыми волосами. Но что-то разглядел Гриша в ее глазах, блеснувших за стеклами очков, какой-то застенчивый интерес, трогательность и незащитность. Ему захотелось сказать что-нибудь приятное, но нужные слова никак не приходили на ум, он просто отвык, наверно, поэтому он

широко улыбнулся и протянул шоколадку. Девушка приняла подарок, как-то непринужденно, сама собой завязалась беседа. Попутчица действительно оказалась студенткой, ее звали Клэр, и она ехала из колледжа навестить родителей.

– А откуда едете вы? – поинтересовалась она.

Гриша замялся, он соображал, что же ответить, но девушка так искренне смотрела на него, что врать совсем расхотелось, и, уставясь в пол, Грингольц выпалил:

– Из тюрьмы.

– Ну да! – засмеялась Клэр. Она не поверила.

– Ну да, – подтвердил Гриша.

– Как же так? – слегка отпрянула Клэр.

– А вот так, – буркнул Гриша, посчитав, что разговор на этом завершится.

Некоторое время молодые люди ехали молча, уставясь в окно и наблюдая индустриальный пейзаж, проносящийся мимо. Спустя какое-то время Клэр пододвинулась ближе и, виновато глядя Грише в глаза, произнесла:

– Не сердитесь, просто это немного... неожиданно прозвучало. У меня вовсе нет никаких предубеждений. Я уверена, что вы не совершили ничего ужасного, ведь правда? – В голосе девушки звучала надежда.

– Правда, – вздохнул Грингольц. – Засолил свою бабушку в бочке, а так – все в порядке.

Клэр, чтобы не завопить, зажала себе рот руками и вскочила.

– Да вы что? – испугался Гриша. – Я шучу, это у меня чувство юмора такое, ущербное немного, ну простите.

– Я так и знала, – голос Клэр звучал обрадованно. – Вы разговариваете с акцентом. Вы иностранец, да? Откуда вы приехали?

– Из России. Знаете хоть, где это? – недоверчиво спросил Гриша.

– Конечно! – радостно залопотала попутчица. – Я даже писала работу на тему: «Обострение отношений между США и Советским Союзом после Второй мировой войны». Я очень интересовалась историей вашей страны. Я уверена, у нее огромный потенциал, и вас ждет большое будущее.

«Ну вот, понеслось, – с тоской подумал Грингольц. – Сейчас начнется: перестройка, Горбачев, балалайки-матрешки, хотя нет, теперь вроде это и немодно уже на Западе...»

Но девушка вдруг прервала свою тираду, осеклась на полуслове, а потом так просто, по-домашнему попросила:

– Расскажите мне.

– О чем?

– О себе, – просто сказала она.

– Да что рассказывать-то? Банальная история, – пытался уйти от ответа Гриша.

– Не бывает банальных историй. Каждая человеческая жизнь уникальна, – настаивала Клэр.

– Ну хорошо, – Грингольц сдался, – слушайте. Родился я в совершенно обычной московской семье. Имел полный ком-

плект любящих родителей, бабушек и дедушек. Как и было положено каждому нормальному советскому ребенку, в семь лет пошел в школу, в одиннадцать начал курить, а в тринадцать выпил первую рюмку водки.

– Но это же так вредно! – округлила глаза девушка.

– Жить тоже вредно, – отрезал Гриша. – От этого умирают. Когда мне исполнилось пятнадцать, моя мама решила, что ребенка нужно спасать от российской действительности, и, побегав по различным инстанциям, собрала и оформила документы на выезд в Израиль. Где я и жил счастливо и беззаботно, радуясь южному солнцу и теплему морю до тех пор, пока не наступила пора идти в армию. Перспектива провести несколько лет с автоматом наперевес мне вовсе не улыбалась, и я рванул искать счастья в Америке. Когда приехал сюда, сначала ошалел от этого темпа, ритма, грохота больших городов, количества людей различных рас и национальностей. Думал, буду учиться, найду приличную работу и в скором времени заживу жизнью добропорядочного американца с ежеутренней газетой и индейкой на день Благодарения. Но жизнь распорядилась по-другому. Я попал в очень неприятную ситуацию. Мой сосед по квартире, заметив, что у меня нет машины, однажды ни с того ни с сего предложил занять мне крупную сумму денег для покупки автомобиля, уверял, что мне не о чем беспокоиться, что деньги ему не к спеху, я смогу отдать их, когда встану на ноги. Хорошая машина была моей мечтой с детства, и я, даже не сомневаясь,

последовал совету душики-соседа и уже через неделю разъезжал на приличном «мустанге». Правда, через две недели ко мне пришел тот самый сосед и потребовал деньги обратно, сославшись на какие-то жизненные обстоятельства. Он пообещал мне множество неприятных моментов, если я не принесу деньги через три дня. Я опрометью помчался в салон, где покупал машину, но там мне сказали, что могут вернуть мне только семьдесят процентов от стоимости автомобиля. Оставшаяся сумма все равно была слишком крупной для меня, чтобы раздобыть ее за три дня. Тогда я предложил тому парню самому забрать мою машину, но он отказался и предложил другой вариант. Он сказал, что если я соглашусь на его работу, то смогу быстро вернуть долг. Мне нечего было делать, и... и так я стал продавцом наркотиков, драгдилером, барыгой, по-нашему, по-русски.

Клэр уже не пыталась встрять в Гришин монолог, а только внимательно слушала, слегка приоткрыв рот.

– Мне выделили свою территорию в Южном Бронксе, – продолжал Грингольц. – Там я и работал и, честно скажу, не слишком сожалел о том, что все так произошло. Деньги были не сказать чтобы огромные, но приличные. Я вскоре вернул долг, но бросать это дело не спешил. Забыл про мечты об учебе, завел множество полезных знакомых и приятелей и привык к такому существованию. Тем более что наркомафия – это паутина, из которой так просто не выберешься, даже если ты совсем крошечный винтик во всем этом меха-

низме, простой уличный торговец наркотиками, ты все равно повязан, и никто тебя не отпустит за спасибо и красивые глаза. А затем все получилось достаточно тривиально: где-то оказался стукач, и всех наших стали сдавать по цепочке, меня замели легавые. Правда, торговлю наркотиками доказать не сумели, только хранение, поэтому срок оказался небольшим, да и освободили досрочно за хорошее поведение. Полтора года без малого отдохнул и вот теперь еду домой. Только есть ли он, дом этот, не знаю. — Гриша вздохнул и замолчал, уставившись в окно.

Девушка снова прервала тишину первой:

— Скоро я должна выходить. В Нью-Джерси меня будут встречать родители, но я оставлю свой адрес и телефон, может быть, мы сможем встретиться, когда вы уладите свои дела в Нью-Йорке.

Грингольц удивленно посмотрел на свою попутчицу, он совсем не ожидал такого поворота событий, особенно после того, что он наговорил. Но с радостью взял у Клэр бумажку с адресом и клятвенно заверил девушку, что обязательно позвонит ей, как только устроится на новом месте.

Москва. 2002 год, осень.

Денис налил себе пива, сделал три крупных глотка, потом сбросил мокрую простыню и стал ожесточенно вытирать мокрую голову полотенцем.

– Прошу, – услышал Денис из-под полотенца голос Грязнова-старшего. – У нас говорят: кто в Сандунах не бывал, тот Москвы не видал.

Заказчик пожаловал, собрал Денис. Не успев как следует вытереться, он скинул с головы полотенце и вместо ожидаемого заказчика увидел в кабинете «нечто», закутанное в огромный белый махровый халат не по росту, большая «сандуновская» шляпа надвинута почти до подбородка, рука торжественно держит поднятый вверх березовый веник.

Быстрым движением «нечто» сбросило шляпу в кресло, и Денис остолбенел. Под шляпой скрывалась изящная женская головка. А далее, под безразмерным халатом, обнаружилась короткая оранжевая юбка и темножелтый жакет.

– Благодарю за приглашение. Мне и букет вручили, – помахала гостя Денису веником и отправила его в кресло вслед за шляпой. И только тут Денис вспомнил, что он так и стоит без простыни на бедрах. Денис быстро прикрыл полотенцем стыд и завопил:

– Ну ведь предупреждать надо, дядя!

– А ты не знал, что гости будут?

– Так я думал...

– Характерно, что русские все – необрезанные, – вместо приветствия весело, без малейшего смущения сказала красотка.

Денис почувствовал, как краска быстро и беспощадно заливает лицо. Дядя же, судя по его довольной физиономии, вполне счастлив от того, что директор частного сыскного агентства в самом начале переговоров оказался в чем мать родила, и к тому же первое, что услышал, так это какой-то дикий и сомнительный комплимент, или что это, никто так и не понял. Денис же на несколько секунд полностью потерялся, не зная, что делать, куда деваться и что говорить.

Блондинка была невысокого роста, волосы цвета темной соломы собраны хвостом на затылке. На глаз ей было не больше двадцати пяти – двадцати шести, правда, красота ее казалась несколько холодноватой, какой-то прибалтийской, что ли, зато в светлых, желтовато-зеленоватых ее глазах поблескивало нечто загадочное, непонятное, буквально неземное; а голос звучал очень мелодично и с легким трудноуловимым акцентом.

Денис неловко (причем девушка-блонд вовсе и не думала отворачиваться) замотался простыней и немного пришел в себя:

– Извините... Собственно, мы вас ожидаем... Предлагаю отобедать. Э-э...

– Лада Панова.

– Очень приятно. Денис Грязнов, директор детективного агентства «Глория», – протянул он руку.

– Я счастлива. – Лада Панова протянула свою.

«Она счастлива, какая ирония, вы подумайте! Но такой милый голос и так искренне это прозвучало, без всяких сомнений я ей понравился, хотя, кажется, она мне понравилась больше...» – в одно мгновение пронеслось в голове у Дениса.

– А это Вячеслав Иванович, начальник МУРа и тоже Грязнов, как ни странно.

– Я уже догадалась. Уверена, что вы, – сказала она Грязнову-старшему, – предоставили мне лучшее частное агентство Москвы.

– Вне всякого сомнения, – твердо ответил Вячеслав Иванович и едва заметно подмигнул Денису.

– Присаживайтесь, что будете пить? Шампанское, вино, коньяк?..

– А что вот это? – садясь в кресло, показала Лада пальцем на бокал с красным напитком.

– Клюквенный сок.

– Вот его. А здесь у вас красиво... – оглядываясь, сказала девушка-блонд. – Только зачем меня замаскировали? Мне что, нельзя сюда входить?

– Э-э, ну-у, вообще-то здесь мужчины моются, – неуверенно протянул Вячеслав Иванович.

– Ну и что? – распахнула Лада свои удивленные глаза.

– Как ну и что? Вообще, это не принято, чтобы женщины...

– А, поняла, сегодня день для гомосексуалистов, – закивала Лада, отпивая клюквенный сок.

Дениса прошиб холодный пот.

– С чего вы взяли? Обычный день, но не ходят же мужчины и женщины вместе в одну баню!

– Правда? – Лада, кажется, не поверила. – Хотя, конечно, есть особые дни – когда только для гомосексуалистов и только для лесбиянок, вот я и подумала, что сегодня такой день.

– Сегодня не такой день! – прорычал Денис. – Вы, видимо, очень давно не были в России.

– Просто никогда не была. Утром прилетела, и почти сразу к вам.

– Удивительно. Но говорите очень чисто, – прогнулся Денис самым нехитрым образом, оказалось, однако, что Ладе это весьма приятно.

– Я ведь русская, и родители мои русские. Вообще-то я из Нью-Йорка.

– Ого! Ну и как вы там, после одиннадцатого сентября, новые небоскребы еще не построили?

– Нет еще, столько времени прошло, но до сих на месте «близнецов» ржавый железный крест стоит, сваренный из двух металлических перекрытий бывших небоскребов. А в остальном все почти забылось.

– Понятно. А чем вы занимаетесь в Нью-Йорке?

– Поскольку я по происхождению русская, то много общаюсь с русскими, всякие с ними дела делаю, – уклончиво ответила Лада.

– Интересно, – поучаствовал в разговоре Грязнов-старший, – как себя ведут в Америке наши бывшие соотечественники, преступлений много совершают?

– Конечно. Хотите знать, какой вид преступлений преобладает у русскоязычных?

– Рэкет?

– Не угадали, кражи в магазинах, затем идет мошенничество всех видов.

– А вы прекрасно осведомлены.

– Я кое-кого знаю из русской мафии Нью-Йорка.

Денис и Вячеслав Иванович переглянулись. «Только этого не хватало, чтобы начальник МУРа оказался замешанным в делах русскоязычной мафии Америки. Еще чего доброго, эта обворожительная блондинка – эмиссар мафии, которая хочет уладить свои дела при помощи агентства „Глория“?!» – подумал Денис и на всякий случай улыбнулся девушке-блонд.

– И чем же русские мафиози у вас промышляют? – спросил Денис.

– Да почти всем. Однако, мне кажется, я слишком откровенна. Вы, случайно, не забудете меня где-нибудь здесь, на дне бассейна, чтобы потом меня нашли на дне какого-нибудь подмосковного водохранилища?

– Почему вы так решили?

– В Америке много пишут о чудовищной преступности в России. Я, честно сказать, даже немного побаивалась сюда лететь, ведь за последние десять лет у вас в четырнадцать с половиной раз увеличилось количество обезображенных и неопознанных трупов, которые находят в Подмоскowie. Разве не так?

– Совершенно точно, в пятнадцать раз, – мрачно ответил Вячеслав Иванович.

– Но я не окажусь в их числе?

– Гарантирую, что нет, – заверил Денис.

– Я вам верю, – покорно опустила ресницы Лада.

– Так какие проблемы у русской мафии в Америке? – спросил Денис, пытаясь подвести разговор к делу, за которым Лада собирается обратиться в «Глорию».

– Кроме нью-йоркской полиции и ФБР, теоретически, никаких проблем, ну вот разве что недавно был убит крупный русский босс, якобы это был несчастный случай...

– Ясно, – кивнул Денис.

– Что вам ясно?

– Вы хотите найти заказчика убийства?

– Не совсем.

– Тогда что же привело вас сюда, если, конечно, не секрет?

– Желание побывать в настоящей русской бане, как-никак я ведь тоже русская, – улыбнулась Лада.

– Ну вы и задали проблему. В России совсем не те обычаи,

что на Западе.

– Да, к сожалению, – вздохнула она.

– Мы попробуем для вас что-нибудь придумать, но в следующий раз... А вы меня, признаюсь, несколько удивили. Неужели в Америке все, скажем, хотя бы евреи – это самое... ну в смысле, все обрезанные?

– Наверное, нет. Однако у нас была в шестидесятых – семидесятых годах повальная мода обрезать мальчиков, вне зависимости от вероисповедания. Только в середине девяностых пошла другая тенденция. И как-то так получилось, что у меня еще не было необрезанного друга.

– Будет, – рассматривая лепнину на потолке, бесцеремонно брякнул Грязнов-старший. – Ладно, молодежь, вы тут развлекайтесь или делами займитесь, а я пойду погрею свои старые кости. – Вячеслав Иванович поднялся из кресла, из-за спины Лады послал Денису многозначительный взгляд и вышел из кабинета. – Тиму-ур! – закричал он, словно в лесу заблудился. – Готовь свои розги, иду сдаваться!

Денис и Лада немного помолчали. Денис был смущен, если не шокирован замечанием Грязнова-старшего, лицо же Лады оставалось непроницаемым.

– Как вам Москва? – спросил Денис.

– Как сказка. Я почти все знаю о Москве по книгам, по телевизору, и сейчас такое ощущение, что я вдруг попала в эту книжную сказку. Все такое знакомое, даже родное... А потом вдруг здесь очутилась, здесь тоже великолепно...

– Уговорили! Раздевайтесь, накиньте халат, шляпу, и пойдем, я покажу вам другие залы. Сходим в парную, на вас никто не обратит внимание.

– Не стоит, я буду себя чувствовать, как у вас говорят, не в своей тарелке.

Денис понизил голос и, подавшись из кресла вперед, словно случайно коснулся кончиками пальцев не покрытого юбкой колена Лады:

– Но я хочу сделать вашу сказку очень явной былью.

– Ни с места! – вдруг жестко ответила Лада.

– Я и так сижу.

– Полиция Нью-Йорка, советую не оказывать сопротивления! – перед глазами Дениса возник полицейский жетон.

Глядя на жетон в черной кожаной корочке, Денис на секунду обалдел. Но только на секунду.

– А мне это определенно начинает нравиться: в мужском отделении московских Сандунов вдруг оказывается симпатичная дамочка из полиции Нью-Йорка, неплохое начало, – Денис показал Ладе ряд своих крупных белых зубов и при этом плотоядно сощурил левый глаз.

– Мне тоже, – секунду подумав и глядя Денису в глаза, ответила Лада. Затем, спрятав удостоверение, добавила с многозначительной улыбкой. – А ты – славянский шкаф...

Денис, сам себе удивляясь, мгновенно расхохотался беспрельдно счастливым смехом. Никогда еще слабый пол не называл его «славянским шкафом», хотя бы даже за высокий

рост и широкие плечи. И это так польстило, что Денис в одну секунду вспылал страстным желанием к этой, с виду очень уверенной, но внутри слабой, нуждающейся в его помощи и защите, Ладе. Отсмеявшись, Денис заглянул в ее глаза и – о, ужас! – прочел в них то же самое желание.

Но почему «о, ужас!»? Казалось бы, наоборот. Да потому, что сейчас негде! Не в присутствии же дяди, и не в бассейне же, пардон, мужского отделения. Абсурдная получается ситуация: баня, казалось бы, для того и создана – для всех телесных удовольствий – и вот ведь незадача какая. Ну отчего Вячеслав Иванович не заказал кабинет, вернее, номер в Номерных Сандунах, которые здесь же, на Неглинной улице, только в другом строении? Там, в еще более роскошном многозальном номере-дворце с бассейнами, разными парными и прочими атрибутами класса люкс, они находились бы только втроем: «славянский шкаф», русская американка и Вячеслав Иванович (банщики и бармены, естественно, не в счет), и уж там вспыхнувшей страстью сердцам легко можно было бы заблудиться в одном из залов, допустим, предназначенном для массажа... Сейчас же, сидя рядом с Ладой, Денис радостно ощущал сладкое замирание своего сердца, которое играло в грудной клетке в синкопированном ритме, и не смел переходить к более решительным действиям. Вновь он негромко засмеялся.

– Что-то не так? – в ответ улыбнулась Лада.

– Нет, все о'кей, это я просто...

Денис не стал объяснять, что засмеялся от того, что подумал: «Я не просто „славянский шкаф“, я „необрезанный славянский шкаф“! – это сравнение ему тоже нравилось, как нравились и те интересные перспективы, связанные с Ладой, что уже появились на горизонте.

– И чем может помочь нью-йоркской полиции «славянский шкаф»?

– Крупная группировка русскоязычной наркомафии в Нью-Йорке... Мы с вами должны будем ее обезглавить.

– А можно поинтересоваться, кто ее глава?

– Вот это и предстоит для начала выяснить.

– Ни больше ни меньше? – усмехнулся Денис.

– И не больше и не меньше, – твердо ответила Лада.

США, 2000.

Клэр сошла на следующей станции, а еще через полтора часа пути Гриша ступил на перрон нью-йоркского вокзала и направился по адресу, указанному в его сопроводительном листе.

Через сорок минут он вошел в двери полицейского участка. Там его встретил хмурый коп, он недовольно взглянул в Гришины документы и, крепко взяв его за локоть, проводил к стеклянной двери, за которой Гринголец рассмотрел довольно миловидную девушку. Блондинку.

Полицейский приоткрыл дверь, обменялся несколькими словами с хозяйкой кабинета и кивком пригласил Грингольца войти. Тот переступил порог комнаты и, нацепив самую дурацкую из всех дурацких улыбок, имеющих у него в арсенале, радостно проорал:

– Хеллоу!

– Не напрягайся, – спокойно ответила девушка, подняв голову от стола. – Мы с тобой в некотором роде соотечественники. Так что давай перейдем на великий могучий русский язык и поговорим. Тем более то, что я тебе сейчас скажу, настолько важно для твоей дальнейшей жизни, что будет гораздо лучше, если ты уяснишь все это досконально. Идет?

– Хорошенькое начало, – промямлил Гриша.

– То ли еще будет, – усмехнулась девушка. – Итак, меня зовут Лада Панова. Я инспектор по надзору за бывшими заключенными, к коим ты и относишься. С этой минуты я буду следить за каждым твоим шагом в любое время дня и ночи. Без моего ведома ты не должен даже чихать, не говоря уже про более интимные физиологические моменты, это понятно? Я должна знать, с кем ты общаешься, чем занимаешься и куда ходишь, зубной пастой какой фирмы ты чистишь зубы и какого цвета твое нижнее белье.

– Синего, – со злостью вставил Гриша.

– Спасибо, ценная информация, – холодно произнесла Лада и продолжила: – Раз в неделю, пускай это будет четверг, ты должен приходить ко мне и отмечаться. Если тебе нужно уехать из города, ты должен получить мое письменное разрешение, если ты не ночуешь дома, то должен поставить в известность меня. И еще, в течение двух недель тебе следует найти работу. Я надеюсь, все понятно?

– Куда уж понятнее, – Гринголец был взбешен. Его раздражала эта самоуверенная девица, перед которой он должен отчитываться и оправдываться, как второклассник перед строгой учительницей.

– Вот и отлично. Теперь можешь идти. Это ключи от квартиры, в которой ты будешь пока жить, и адрес, – Лада протянула небольшой конверт.

Гриша выхватил его из рук девушки и, не глядя на нее, направился к дверям.

– Эй, Грингольц! – окликнула она.

– Что еще? – не оборачиваясь, произнес Гриша.

– Запомни, ты должен стать самым добропорядочным из всех добропорядочных граждан, которых я знаю. В противном случае ты вернешься в свое уютное пристанище и проведешь там еще, как минимум, лет семь. Если только я узнаю, что ты принялся за старое или нарушил хотя бы один пункт из нашего договора, ты поймешь, что я не шучу с тобой. А теперь вали отсюда.

Гриша вышел из кабинета и даже не хлопнул дверью, но стекло все равно завибрировало и тихонько взвизгнуло.

Квартирка, в которой предстояло жить Грише, была небольшая, но довольно уютная: две крошечные комнаты-спальни, малюсенькая гостиная и кухня. Все в темно-синих тонах, немного мрачноватое и тоскливое. Предыдущий жилец съезжал, вероятно, в спешке, поэтому повсюду валялись забытые или ненужные мелочи, обрывки газет, клочки бумаги с адресами незнакомых людей, пустые банки из-под пива. Гриша скинул рюкзак и принялся за уборку. До вечера он выносил мусор, расставлял мебель по своему вкусу, уничтожал намеки на то, что он вовсе не хозяин в этом жилище, а всего лишь его временный обитатель, такой же, как десятки его предшественников и, может быть, последователей. К полуночи все было закончено. Грингольц разогрел пищу в старенькой микроволновке и плюхнулся в потертое плюше-

вое кресло, в котором и заснул с одноразовой тарелкой в руках.

Проснулся Гриша с ломотой во всем теле от неудобного сна и с мерзким осадком в душе. Он совершенно не представлял, что теперь ему надлежит делать. К прежней жизни возвращаться было рискованно, да и не особенно хотелось, а как еще устроиться в этом огромном враждебном городе без друзей, знакомых и родственников, Гринголец не знал. Наскоро позавтракав остатками пиццы и запив их холодным кофе, Гриша оделся и вышел на улицу. Он не знал, куда ему следует направиться, поэтому наугад пошел вниз по улице, глаза по сторонам и изучая район, в котором придется пожить какое-то время. Гринголец был настроен довольно пессимистично: он не был нужен никому, не имел друзей и близких, работы и средств к существованию. Его мнимые приятели и знакомые бросили и наплевали на него в тот самый момент, как на гришиных запястьях защелкнулись стальные наручники, кое-какие сбережения осели в карманах адвокатов, которые все равно не смогли ничем помочь. И вот он, Гриша Гринголец, бредет по Нью-Йорку – столице мира, с десятью долларами в кармане, не подозревая даже, где будет завтра. С такими грустными мыслями Гриша добрал до супермаркета, на дверях которого красовалось объявление: требуются работники. Наудачу Гринголец завернул в магазин и вышел через десять минут, получив работу и некоторую сумму в счет будущей зарплаты.

«А жизнь-то налаживается», – с усмешкой подумал Грингольц. Он забежал в небольшую продуктовую лавчонку рядом с домом, купил кое-какой еды на ужин и поднялся в квартиру.

Гриша механически пережевывал безвкусные полуфабрикаты и тупо тарасился в телевизор. Там какая-то мулатка с лицом лошади, которая из-за забора тянется за яблоком, рассказывала про преимущества одного тренажера перед всеми другими. Наконец Гриша не выдержал, выключил телевизор, отставил тарелку и задумался. На работу предстояло выходить только в понедельник. Значит, впереди четыре дня. Целых четыре долгих, тоскливых дня в безделье и скуке. Тут Грингольц вскочил, выбежал в прихожую и стал лихорадочно обшаривать карманы своей куртки. Наконец он выудил из одного из них клочок бумаги и с облегчением вздохнул. Затем подошел к телефону, набрал семь цифр номера и приготовился ждать. Но трубку на другом конце провода сняли мгновенно.

– Добрый день, – срывающимся голосом произнес Грингольц. – Могу я поговорить с Клэр?

– Кто ее спрашивает? – поинтересовался собеседник.

– Передайте, что это Грэгор, – сказал Грингольц, усмехнувшись. Ему казалось, что его имя, трансформированное на английский манер, звучит чрезвычайно дурацки.

– Минуту, – трубка стукнулась об какую-то поверхность, и Гриша услышал, как Клэр зовут к телефону.

Через минуту она ответила.

– Привет. Помнишь меня? – отозвался Гринголец.

– Конечно! Я не надеялась, что ты позвонишь.

– Я же обещал. Может, встретимся на днях? Ты будешь свободна?

– Конечно, – ответила девушка. – Ты сможешь приехать ко мне?

– Без проблем, – согласился Гриша. – Когда?

– Может быть, завтра. Мои родители уезжают к тете Энн, и мне совершенно нечем заняться.

– Идет. Встретишь меня на станции?

– Поезд из Нью-Йорка прибывает к нам в двенадцать сорок восемь, я буду ждать тебя там, договорились?

Гринголец заметно повеселел и пообещал с нетерпением ждать встречи.

– Я тоже, – чуть слышно отозвалась девушка.

На следующий день выбритый, выглаженный Гриша с букетом астр в правой руке поджидал Клэр на условленном месте. Та слегка припаздывала, поэтому когда наконец появилась из-за угла, была раскрасневшаяся и немного растрепанная. В таком виде она понравилась Грингольцу больше, чем в первый раз. Он вручил девушке букет и, по-хозяйски взяв под руку, повел в сторону уютного сквера.

... Гриша провел со своей новой знакомой три дня в Нью-Джерси. Близился понедельник, настало время уезжать. Молодые люди простились на перроне. Гриша заверил девуш-

ку, что в следующие выходные первым же поездом приедет к ней, поцеловал последний раз, запрыгнул в ужедвигающийся вагон, сел на свободное место и... тут же забыл и свое обещание, и Клэр, и три безоблачных дня, проведенных с ней.

Первой, кого увидел Гринголец возле своего дома, была Лада Панова. Она сидела в своей машине и непринужденно лопала мороженое. Гриша хотел было быстро завернуть за угол и скрыться, но Лада уже заметила его и поманила к себе пальцем с длинным покрашенным ногтем. Нехотя Гриша приблизился.

– Так-так-так, господин Гринголец, и где это мы пропадали столь долгое время? – протянула Панова. – Может быть, вы сейчас расскажете мне про умирающую в соседнем штате бабушку? Или выдумаете еще какую-нибудь столь же трогательную историю?

– Да тебе-то какая разница, где я был? – огрызнулся Гриша.

– Господин Гринголец, вы, кажется, забываете, в каком положении находитесь. Я сейчас же отправляюсь в участок и пишу докладную о вашем поведении, и в течение двадцати четырех часов вы, Григорий, возвращаетесь в свою уютную каморку за решеткой, на насиженное место, которое, может быть, и занять никто не успел. В родные пенаты, так сказать.

– Э-э, мать, ты чего? За какую решетку? Я чего сделал-то? К девушке своей на выходные съездил. Это что, преступление? – Гриша искренне недоумевал.

– Гриша, милый, ты забыл о нашем договоре. Я предупреждала, что без моего разрешения ты не можешь никуда уехать даже во сне. Было такое? – насмешливо смотрела на Грингольца Панова.

– Было, – пробурчал себе под нос Гриша.

– А что будет, если ты нарушишь договор, я рассказывала?

– Рассказывала.

– Так что, получается, все честно? – Лада с любопытством уставилась Грише в глаза.

Гринголец не ответил.

– Но мне кажется, мы сможем договориться, – продолжала Панова.

– Как это? Я думал, американские полицейские взятки не берут. – Гриша нервничал.

– Правильно думал. Я предлагаю другой вариант. Мне бы очень не помешал понятливый человек в... в определенной среде.

– Ты что, мне стукачом стать предлагаешь?

– Зачем так грубо? – обиделась Лада. – Осведомителем. Если хочешь, могу называть тебя внедренным агентом в итальянскую мафию. Это даже мужественно звучит.

– Ага, разбежалась! А ты думаешь, что вся итальянская мафия целыми днями бегает по Нью-Йорку с криками: «Где же наш Гриша? Почему о нем опять ничего не слышно? Мы ведь так хотим взять его в свои крепкие сплоченные ряды!»

– Это дело техники. Ну что, согласен? – Панова выжида-

юще смотрела на Грингольца.

– А ты знаешь, что со мной будет, если они догадаются, кто я такой?

– Знаю. А ты знаешь, что с тобой будет в тюрьме, если я пушу слух, что ты полицейский осведомитель?

– Шантажистка хренова, – Гринголец выругался, но Лада не среагировала. – Ладно, что я должен делать?

– Пойдешь завтра по этому адресу, скажешь, что тебя прислал Нино Леоне, упомянешь, что сидел вместе с братом Джо Тавиани, а там уж они сами решат, что с тобой делать.

Гриша взял записку с адресом и, проклиная все на свете, направился к дверям.

– Удачи, Гринголец, – крикнула ему вслед Лада.

– Да пошла ты! – бросил Гриша через плечо.

На следующий день Гриша плелся по указанному адресу, пытаясь оттянуть трогательный момент встречи с итальянскими мафиози. Когда же наконец оказался возле нужного ему дома, тяжело вздохнул и отчаянно, как вешающийся с табуретки, шагнул в двери. Его встретил невысокий, пухленький, улыбчивый итальянец. С интересом выслушал Гришины сбивчивые объяснения, радостно воскликнул: «О'кей!» и скрылся в соседней комнате. Через некоторое время из нее вышел высокий, плотный, черноволосый человек и обратился к Грингольцу:

– Привет. Я Джо Тавиани. Так это ты сидел вместе с моим братом?

– Да, сэр.

– Зови меня Джо. Ну как он там?

– Все в порядке, Джо. С ним все хорошо.

– Отлично. Тебе нужна работа, ведь так?

– Было бы неплохо. Я недавно вышел, и мне совершенно некуда пойти, – отвечал Гринголец.

– Ну что ж, будешь моим водителем? Ты хорошо водишь машину?

– Да, Джо, я очень хороший шофер и с радостью стану твоим водителем.

– Вот и отлично. Приходи завтра в девять утра ко мне. Мы

обговорим все детали.

Гриша кивнул, пожал протянутую руку и вышел на улицу.

«Ну вот, первый шаг сделан, и отступать некуда, все опять возвращается на круги своя». По спине струился холодный пот.

Гриша оказался ценным и понятливым работником. С рвением выполнял поручения шефа, прилично водил машину и никогда не задавал лишних вопросов. Тавиани был в восторге от своего нового шофера, увеличил в два раза жалованье и частенько приглашал в бар в качестве собеседника. Однажды во время одной из таких посиделок Джо сказал:

– Послушай, Грэг, ты хороший парень, ты мне нравишься, но ты какой-то напряженный.

– Разве? – осторожно выговорил Грингольц.

– Да-да, и не спорь, это последствия отсидки, я знаю. Я сперва хотел приставить тебя следить за моим младшим братом Тони. Он – известный доктор...

Грингольц кивнул головой в знак того, что слышал.

– ... В чужих мозгах здорово копать умеет, а своих так еще и не нажил, вот я и хотел узнать, что он делает в свободное время, хотя он говорит, что такого у него не бывает. Но подумал... но вот я подумал, может, тебе будет проще работать со своими. Хочешь, порекомендую тебя русским. Может, у них найдется для тебя местечко?

– Не знаю, Джо. Позволь мне подумать, – ответил Грингольц и бросился звонить Ладе.

– Это же отлично! – воскликнула Панова. – Соглашайся не раздумывая. О такой удаче я даже не могла мечтать. Ты молодец, Гринголец. Продвигаешься по карьерной лестнице, так сказать.

Так Гриша в качестве личного водителя перешел по наследству от итальянской мафии к русской. Благодаря своей исполнительности и усердию, он, путем несложных служебных перестановок, стал возить Бакатина во время его появлений в Штатах и приносить немало полезной информации Ладе Пановой.

День, когда Лада Панова узнала, что ей предстоит оказать-ся на своей исторической родине, в Москве, начался просто ужасно.

«Гришка Грингольц определенно пропал! – раздражен-но думала Лада, не без брезгливости подходя к чреву нью-йоркской подземки. – Сегодня последний срок, когда ему на-до отмечаться в полицейском управлении и, улыбаясь, заве-рять, что он по-прежнему в Нью-Йорке, живет как запуган-ный кролик и безмерно благодарен за то, что заботливое око добровольно-обязательной социальной защиты присматри-вает за ним; и что, мол, он теперь совсем паинька, поступил на курсы собачьих парикмахеров. Офицеры же полиции (те, кто не знает, что Грингольц является осведомителем) вос-принимают, естественно, его объяснения как сущий бред су-масшедшего, особенно когда он говорит, что счастлив рабо-тать и возит вовсе не записного мафиози, а лучшего друга всех русских Нью-Йорка, и прочая, прочая».

Однако в квартире Грингольца третьи сутки уже никто не поднимает трубку. Этой ночью Лада пыталась дозвониться до него (для чего поставила будильник на четыре утра), но все бесполезно. И из-за этого Грингольца она сегодня совер-шенно не выспалась.

А день просто ужасный. За крыши небоскребов цепляют-

ся противные свинцовые тучи, но дождя нет. Просто Лондон какой-то. Сырой осенний ветер, кажется, продувает насквозь, а в воздухе неподвижно висит маслянистая дымка смога, как в самые безветренные дни. Все это Лада ощутила, когда вышла из своего серебристого «форда-мондео» последней модели и, с силой захлопнув дверцу, дала ему «подзатыльник», шлепнув ладонью по ветровому стеклу. Но безнадежно заглохший «форд» от этого и не подумал заводиться. Машину пришлось бросить на улице и до полицейского управления добираться грязными лабиринтами нью-йоркского сабвея, а перед этим еще пройти пару улиц района Куинс, где жила Лада, что тоже не самое большое удовольствие.

К своим двадцати шести годам Лада Панова сделала стремительную карьеру в полиции Нью-Йорка.

Ее родители – оба генетики – оказались в Америке по приглашению фармацевтической корпорации SUN, причем мать до самого последнего момента скрывала от американской стороны, что приехала в Америку беременной уже на третьем месяце. Так что Лада – стопроцентная американка, хотя и зачали ее в Москве.

Родители-генетики (которым в любой стране открыта зеленая улица) без проблем получили американское гражданство, однако и не думали забывать русские корни. Говорили дома почти всегда по-русски, учиться Ладу отдали в русскую школу, где, правда, девочка проучилась всего три года. Потом родителей перевели в Калифорнию, и Лада окончила

уже американский колледж. В Калифорнии она чудом поступила в Полицейскую академию, которую, надо сказать, закончила лишь благодаря своему фантастическому упорству.

Ну а дальше для всего семейства Пановых начала сбываться пресловутая американская мечта, что, как ни странно, иной раз случается с упорными работягами. Всем Пановым повезло: родителям предложили заведовать собственной исследовательской лабораторией со значительным бюджетом. Они переехали из Калифорнии в симпатичный зеленый пригород Нью-Йорка Ривердейл, правда, имеющий один существенный недостаток: из-за своего территориального расположения он считался «нежелательным». Чтобы добраться из Нью-Йорка в Ривердейл, надо проехать через Южный Бронкс и Гарлем, что в ночное время просто опасно. Но Лада после выходных, проведенных у родителей, часто возвращалась глубокой ночью в свою нью-йоркскую квартиру совершенно одна, даже без оружия, лишь с полицейским жетоном в сумочке, и при этом не испытывала ни малейшего страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.